

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 35

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 3-го сентября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за сентябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1905 г. съ 34 рис. и отдѣльн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 5 рис. выжиганія.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ достав-
ки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскій линіи.

7 р. 25 н.

Безъ достав-
ки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
гос-
та-
лицу. **12 р.**

Страда. Картина А. Бруйз, авт. «Нивы».

Испорченная натура.

Повѣсть

Кн. М. В. Волконской.

(Продолженіе).

V.

Нищенкѣ на видѣ шелъ уже двѣнадцатый годъ. Читать она не умѣла; «не научилась» — говорили всѣ у Гогольцевыхъ, несмотря на старанія Саши, самой, впрочемъ, небольшой охотницы до грамоты. Шить она тоже не научилась; зато она умѣла вязать филейныя салфетки и завивать волоса, «класть ихъ въ папильотки» (какъ почему-то выражалась Саша), что было ей строго запрещено и за что доставалось постоянно. Страсть къ нарядамъ развилась у нея необыкновенно, хотя страсть эту тоже упорно выгоняла Раиса Павловна, одѣвая Анютку какъ можно проще и безобразнѣе.

Приближалось начало іюня и поздняя Троица, а Гогольцевы съ опекаемыми дѣтьми все еще были въ городѣ. Переѣхать было не на что. Дача была нанята, но мяснику и прочимъ поставщикамъ въ городѣ не было заплачено за нѣсколько мѣсяцевъ, и Раиса Павловна ждала денегъ изъ опеки, чтобы расплатиться съ долгами. Деньги у нея, по ея выраженію, текли. Въ день расходовалось по сто рублей: «это не считая ѣды и уплаты за квартиру, — поясняла она близкимъ знакомымъ: — на закуски, фрукты, игрушки, папиросы, карты и еще тамъ, что придется...»

Въ день Троицы, Анютка, съ завистью поглядѣвъ на нарядныхъ опекаемыхъ дѣтей, поставивъ и себѣ березку за ширму (березки Раиса Павловна ставила съ благоговѣніемъ по всѣмъ комнатамъ), пошла въ приходскую церковь къ обѣднѣ и по дорогѣ встрѣтилась съ уличной подругой своей Матрешей, съ которой познакомилась годъ тому назадъ въ мелочной лавкѣ.

Въ судьбѣ Матрешы было много схожаго съ ея судьбой. Она тоже была дочь нищенки-побирушки, также жила «въ генеральскомъ пріютѣ», но ее привезла въ Петербургъ, въ качествѣ подгорничной, сердобольная барыня изъ Олонецкой губерніи, побывавъ тамъ лѣтомъ въ гостяхъ у своей знакомой, помѣщицы средней руки. Барыня Матрешы тоже была добрая, тоже вдова, тоже пожилая, тоже пудрилась, любила хорошо одѣваться и тоже играла въ карты. Разница между нею и Гогольцевой состояла лишь въ томъ, что у Гогольцевой въ квартирѣ теперь было всего 22 комнаты, Матрешина же барыня жила въ 4-хъ горницахъ, въ четвертомъ этажѣ. У Гогольцевой было много прислуги, сыновей, племянниковъ, опекаемыхъ дѣтей, собакъ и пр. Матрешина же генеральша жила одна, съ привязавшейся къ ней старой барышней, которую она называла родственницей (хотя родства между ними и не было), и старой доверенной горничной, стряпавшей за кухарку. Для этой кухарки, въ подмогу ей, и взята была Матреша.

— Что ей такъ-то болтаться?! — говорила генеральша. — Будемъ ее кормить; грамотѣ выучимъ, шитью... Еще какъ благодарна намъ будетъ потомъ!..

И Матрешу, сбиравшую по деревнямъ милостыню съ пьяницей-матерью, генеральша и старая барышня привезли въ Петербургъ и приблизили къ себѣ, т. е. стали изрѣдка ее учить читать и писать, а главное, постоянно приказывали ей выместить тамъ, вытереть тутъ и послали всюду, куда нужно было послать.

— Кабы издохла!.. — ворчала злобно Матреша, идя куда-нибудь къ модисткѣ или къ знакомымъ, съ приглашеніемъ на «пулечку», или сидя часами на лѣстницѣ дворянского или иного собранія, съ ворохомъ теплаго платья въ объятіяхъ, дожидаясь, когда концертъ кончится, и ея госпожи выйдутъ, насладившись облагораживающимъ искусствомъ.

И Матреша, измученная жарой (сама она, какъ и

другіе, дожидавшіеся господъ, не снимала пальто), утомленная, потная, разглядывала выѣздныхъ и невыѣздныхъ лакеевъ, дворниковъ и другую прислугу, поставленную въ одинакія съ ней условія, вдушивалась въ то, что они говорили, какъ они относились къ своей жизни, къ этому сидѣнію на лѣстницахъ, и ругали господъ, вступала съ ними въ бесѣды, хохотала и разъ даже попала въ скандалъ. Какой-то мужчина «увязался» за дѣвочкой, къ великому негодованію генеральши, обвинившей Матрешу въ дурныхъ наклонностяхъ и въ томъ, «что ужъ она знаетъ, что дѣвчонка не смирно сидѣла, а дѣлала глазки... Таковская!..»

Съ Анюткой Матреша познакомилась въ мелочной лавкѣ, куда Харитонъ послалъ Анютку спросить на двугривенный потасовки.

— Вся вышла-съ! — покраснѣвъ въ лицѣ и расплывшись въ веселую улыбку, утонченно вѣжливо отвѣчала лавочникъ, когда дѣвочка спросила у него то, за чѣмъ пришла. — Можетъ-быть, вамъ угодно будетъ лоботряскъ? — вкрадчиво и нагибаясь къ Анюткѣ, добавилъ онъ, и тутъ же, при гомерическомъ хохотѣ немногихъ присутствующихъ, протянулъ руку и мигомъ отодралъ дѣвочку за вихорь.

Анютка заревѣла и выбѣжала на улицу. За ней вышла изъ лавки бывшая тамъ и хохотавшая со всѣми Матреша. Она догнала Анютку, остановила ее, выругала всѣхъ обидчиковъ прощальными и поддецами и разговорилась съ Анюткой.

Съ этого дня началось знакомство прежнихъ нищенокъ, а потомъ и быстрое сближеніе.

Въ день Троицы Матреша повстрѣчала Анютку на паперти Владимірскаго собора. Погода была лѣтняя. Утро жаркое и ясное. Небо безъ облачка. Празднично одѣтые люди шли и ѣхали по улицамъ, все больше по направленію къ гудѣвшимъ благовѣстомъ и вдругъ обрывавшимъ этотъ благовѣстъ церквямъ, и съ каждой минутой голубые, розовые, лиловые, зеленые, красные и прочіе наряды свѣтовыми пятнами все чаще и чаще оживляли городъ, едва начинавшій просыпаться къ своей поздней, праздничной жизни.

Извозчики проѣзжали съ вѣтками березъ, воткнутыми въ упряжь лошадей, и эти молодцы, едва начинавшія жить и уже загубленные вѣтки съ жизнерадостными, склеенными листками тоже придавали праздничный и вѣстѣ дикій видъ пролеткамъ.

На папертяхъ соборовъ и церквей и на ближайшихъ къ нимъ панеляхъ блѣднолицыя, безкровныя, городскія полубольныя бабы продавали поблекшую сирень и букеты полевой цвѣтушей травы: лютиковъ, иванъ-дамарьи, царскихъ чашъ и пр. Трава эта въ ихъ рукахъ и корзинкахъ, стоящихъ на панели, въ большой и какъ бы страстной по отчаянію и стремительности истомѣ полегла головками, но женщины увѣряли, что сдѣтъ только поставить ее въ стаканъ, цвѣты оживутъ, и идущіе въ церковь, ради праздника, покупали букеты.

Дойдя до собора, Анютка начала-было уже взбираться на лѣстницу паперти и занесла ногу на вторую ступень, но вдругъ разслышала торгъ какой-то барыни съ бабой, спрашивавшей за пучокъ лютиковъ и царскихъ чашъ 30 к. и, полукривъ кружечкомъ ротъ, остановилась.

— Да ты съ ума сошла!.. — говорила барыня, вертя «букетъ» во всѣ стороны и искренно возмущаясь цѣной. — Вѣдь онъ совсѣмъ завялъ!.. Бога ты не боишься!..

— Дѣти... милая!.. Сама изъ больницы... — тянула баба, стараясь какъ можно больше содрать за свои

пѣты.—Ради праздника... Безъ воды они... А въ водѣ сичасъ...

Голосъ ея заглушался гулкимъ и радостнымъ звономъ, летѣвшимъ съ колокольни, и грохотомъ экипажей. И ея, и барыню, и Анютку постоянно толкали входившіе въ соборъ.

Вдругъ чья-то рука бойко и ловко хлопнула Анютку по плечу. Анютка оглянулась. Передъ ней стояла короткая, широкая, похожая на трамбовальную бабу, Матреша съ кружевнымъ моднымъ воротникомъ на шеѣ и толстыхъ плечахъ, съ свѣтло-зеленой ленточкой въ волосахъ и новенькой брошкой на груди. На рукахъ дѣвочки были надѣты старыя, желтыя, разорванныя, фильдековыя перчатки. Въ правой рукѣ она держала зонтикъ.

— А!—сказала Анютка и просіяла всѣмъ лицомъ.

Глаза ея, скользнувъ по глазамъ, плоскому носу, щекамъ въ веснушкахъ и румянымъ губамъ Матрешы, установились на брошку подруги.

— Пойдемъ!.. — указавъ головой въ сторону входа, предложила Матреша, щуря глаза отъ солнца.

Анютка утвердительно мотнула головой, и дѣвочки, войдя на паперть, стали проталкиваться сквозь запруду народа въ дверяхъ.

— Новая? — во время этого пути спросила Анютка Матрешу.

Она такъ и искала брошку глазами.

— А то какъ же!—отозвалась Матреша.

— Кто подарилъ?

Матреша молчала, проталкиваясь впередъ.

— Кто?.. Слышь, кто?—нетерпѣливо повторила Анютка.

— Нашла... — притворно-равнодушно шепнула Матреша.

Анютка съ завистью поглядѣла на товарку. У Матрешы было необыкновенное счастье: то она находила на лѣстницѣ вѣтку винограда, то яблоко, то,—на дворѣ, гдѣ сложены дрова,—шпильку, кошелекъ съ деньгами!..

— А перчатки?

Матреша сдѣлала видъ, что не слышитъ, вошла въ нижнюю церковь, постояла налѣво у дверей и тотчасъ вышла.

— Пойдемъ наверхъ,—шепнула она.—Тамъ интереснѣе будетъ... Всѣ господа тамъ... Тутъ... не стѣитъ!..

Она быстро протискалась обратно и стала съ толпой взбираться по лѣстницѣ. Анютка повиновалась. Въ ея глазахъ, въ Матрешѣ было что-то необыкновенно притягательное, энергичное, сильное.

— Генеральша, что-ль, подарила перчатки-то? — рѣшилась она спросить еще разъ, когда онѣ стояли уже въ верхней церкви, стѣсненныя, почти задавленныя толпой, въ тканяхъ, видимо, недавно купленныхъ и сматеренныхъ въ платьѣ.

— Какъ же!.. Подарить!.. — шопотомъ отвѣтила Матреша и фыркнула. — Сама взяла. Она бросить велѣла, а я взяла...

Дѣвочка прищурилась, поднялась на носки и стала разглядывать что-то вдали.

«А у моей, что ни бросить, то Саша возьметъ...» — мелькнуло у Анютки, и чувство досады и озлобленія на Сашу шевельнулось въ ея сердцѣ.

Она взглянула на свои голыя, красныя, дѣтскія руки съ грязными ногтями и вздохнула.

— Ишь, погляди,—черезъ минуту сказала Матреша, оборачивая къ ней голову. — Шляпа-то кака! — и она лицомъ указала на разряженную женщину, стоявшую впереди.

Анютка тоже поднялась на цыпочки и, вытягивая шею, вперила глазами въ указанную шляпу.

Въ душѣ ея ни церковь, ни служба, которой, впрочемъ, почти не было слышно оттуда, гдѣ онѣ стояли, особенно при постоянно двигавшихся, входившихъ и выходившихъ изъ-за жары людей, въ душѣ ея ничто окружающее не вызывало сколько-нибудь молитвеннаго

настроения. Напротивъ, все, т.-е. всѣ женщины и дѣти, возбуждало нарядами зависть и удивленіе. Всѣ были такія, какъ Саша, Катерина, горничная Маша, знакомая лавочница, генеральша, опекаемая дѣти, когда они шли въ гости. И всѣ онѣ пришли въ церковь въ Троицу похвастать другъ передъ другомъ своими «туалетами». Это ясно видѣла и знала Анютка. Она одна ничѣмъ не могла похвастать. Были, впрочемъ, кое-кто, кто стоялъ на колѣняхъ, крестился и молился, но тѣ были или старые или бѣдные, и Анютка не обращала на нихъ вниманія.

Она уже прочла «Вотчу» и «Дивурадусю»—молитвы, которымъ научила ее Катерина, сама читавшая вторую молитву слѣдующимъ образомъ: «Богородица дивурадусю. Благодатная Марья, Господь съ Тобою. Благословенна Тывжена и благословенъ плочрева Твоего...» И прочтя эти молитвы, которыя для нея имѣли значеніе чего-то таинственнаго, чего понять нельзя, чего-то въ родѣ заклинанія, необходимаго кому-то, какъ дань, Анютка чувствовала, что долгъ ея исполненъ, и теперь она можетъ спокойно разглядывать народъ, изрѣдка крестясь подъ звуки ритмованнаго хора, то слышнаго будто далеко-далеко, то совсѣмъ замираваго.

Матреша предавалась тому же занятію, хотя въ службѣ кое-что и понимала, такъ какъ сопровождала «барышню» иногда ко всенощной или обѣднѣ и держала тогда снятыя «барышней» вещи: рогонду, жакетъ и платокъ или мантилью, смотря по сезону. Теперь, постоявъ нѣкоторое время въ душной до головокруженія церкви, Матреша утерла потъ и, шепнувъ Анюткѣ: «пойдемъ!» и дернувъ ее за платье, спѣшно проталкиваясь, стала пробираться къ выходу. Навстрѣчу имъ, у самыхъ дверей, пахнуло вольнымъ духомъ отъ сильнаго сквозняка, такъ какъ верхнія, боковыя окна были открыты, и попалась дѣвочка ихъ лѣтъ съ двухлѣтнимъ, слабенькимъ, блѣднымъ ребенкомъ на рукахъ. Личико ребенка было замуколенное, голова въ чепцѣ.

— Что... кончили... приобщать? — тяжело дыша, очевидно, отъ скорой ходьбы или бѣга, спросила старшая дѣвочка, свергнувъ черными, живыми глазами на Матрешу.

— Не знаю,—равнодушно посмотрѣвъ на нее, отвѣчала Матреша и съ трудомъ продолжала пробираться сквозь теплую, пахнущую разными запахами, толпу на лѣстницу, между тѣмъ какъ дѣвочка проталкивалась къ амвону.

Съ лѣстницы подруги прошли на улицу и потомъ въ палисадникъ, окружающій соборъ, и сѣли на скамейку. Воздухъ внѣ церкви показался имъ живительнымъ, и, дѣйствительно, послѣ духоты собора на улицѣ было хорошо. Народу, т. е. женщинъ и дѣтей, въ палисадникѣ было порядочно много, и маленькіе копошились и играли въ пескѣ.

— Ты куда-жъ сегодня собираешься?—посмотрѣвъ на дѣтей и помолчавъ, отойдя отъ жары, спросила Матреша, болтая ногами въ большихъ, неуклюжихъ кожаныхъ башмакахъ.

— А никуда,—сказала Анютка.—А ты куда?..

— Я-то найду!—качнувъ вверхъ головой, произнесла съ увѣренностью Матреша.—А твои что-ль куда ѣдутъ?—продолжала она и добавила, засовывая руку въ карманъ и вынимая пригоршню подсолнушныхъ сѣмечекъ.—Мои въ Павловскѣ собираются.

Анютка умильно поглядѣла на сѣмечки.

— И Авдотья уйдетъ?—спросила она.

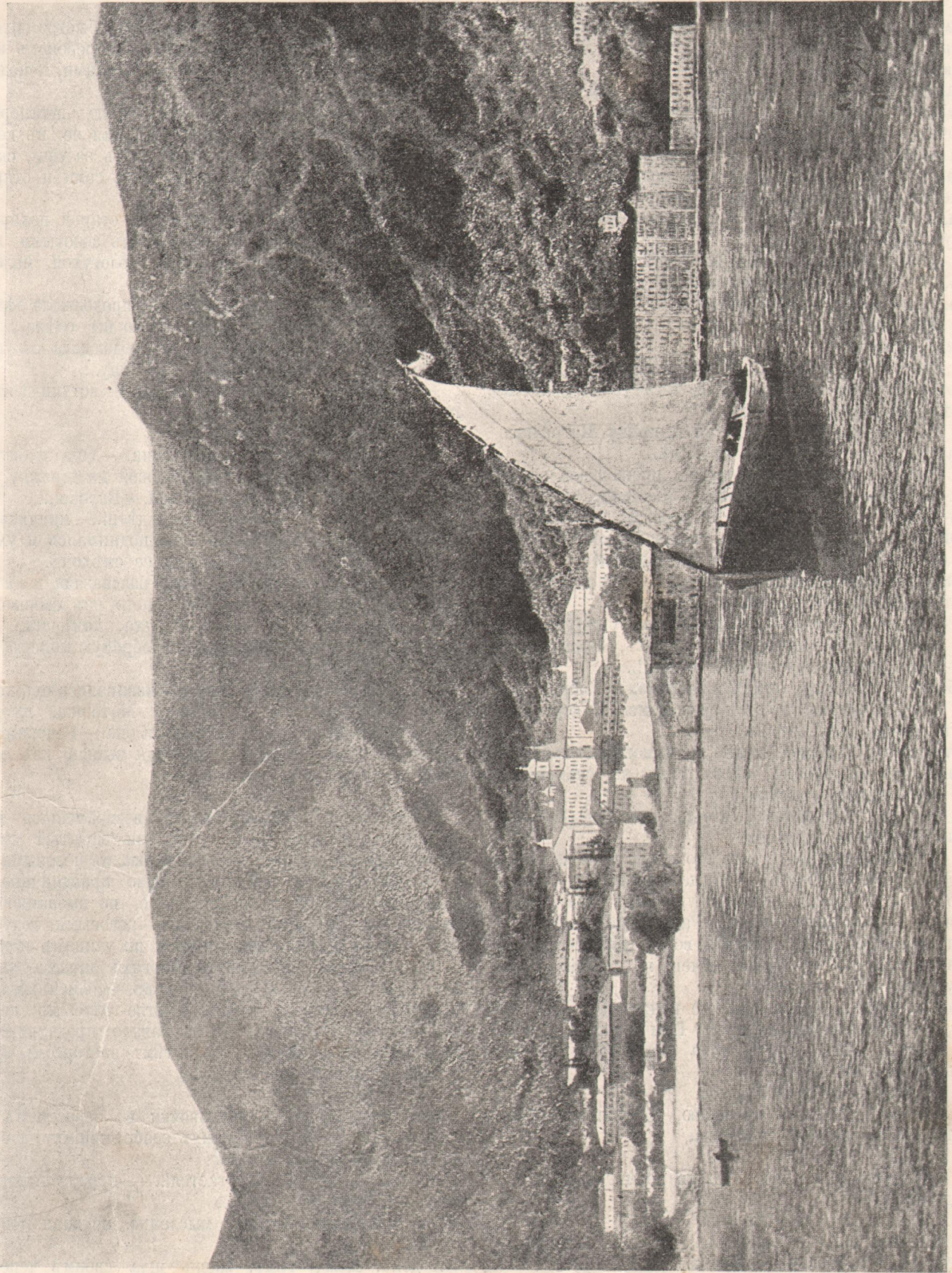
— Уйдетъ,—подтвердила Матреша.—Бери!—выговорила она вдругъ, выплевывая скорлупу, которая прилипла у нея къ нижней губѣ, и щелкая новое сѣмечко.

Анютка радостно повиновалась.

— Ишь, срамницы! — покосясь на дѣвочекъ, громко проговорила старуха-мѣщанка, сидѣвшая рядомъ съ ними. (Старухѣ, видимо, сдѣлалось дурно, и она вышла изъ церкви въ садъ освѣжиться). — Обѣдня еще не отошла, а онѣ подсолнухи грызутъ!

На охотѣ. Картина Р. Френца, авт. «Нивы».

Руссикъ съ моря. Картина А. И. Мещерякова, авт. «Нива».

— Не на ваши деньги куплены,—отвѣчала Матреша, подтолкнула Анютку и, видя обиженное лицо старухи, разсмѣялась.

— Не на мои деньги—да грѣхъ это! стыдно смотрѣть!— не унималась старуха.— Праздникъ какой сегодня!..

— Какой праздникъ? Святого Луки—дѣлованіе моей руки!—выплывывая сѣмечки, бойко проговорила Матреша, дѣлая плутовато-наивные глаза, и, взглянувъ на Анютку, расхохоталась.

Анютка тоже смѣялась.

Старуха подобрала поближе къ себѣ полы своего коричневаго, шерстяного, праздничнаго платья и, что-то бормоча, отвернулась отъ дѣвочки.

На колокольнѣ ударили въ колоколь.

Стая голубей, скривя крыльями, поднялась съ нея и перелетѣла на крыши противоположныхъ домовъ. Анютка подняла голову къ небу и заглядѣлась на его свѣтло-голубую глубину.

— Блинъ! Блинъ!—запѣла Матреша подъ начавшійся звонъ, очевидно, чтобы подразнить старуху.— Полу-блина, полу-блина, четверть-блина!..—громко выкрикивала она, болтая въ тактъ ногами.— Мас-сла фунтъ!.. Мас-сла фунтъ!..

— Драть тебя некому!—проговорила старуха, встала и, метнувъ укоризненно-злбный взглядъ на дѣвочекъ, пересѣла на другую скамейку.

— А васъ драли?—послала ей вдогонку Матреша.

Старуха даже измѣнилась въ лицѣ.

— Что?..—побѣлѣвшими губами прошептала она.— Что?..—и начала было отчитывать дѣвчонку, но вдругъ какой-то ребенокъ, сидѣвшій на дорожкѣ въ бѣлой пикейной шинелькѣ и красномъ вязаномъ колпачкѣ, набилъ себѣ ротъ пескомъ и чуть не задохся.

Нянька, бесѣдовавшая съ другой, подобной ей замѣстительницей матери, бросилась къ нему.

— Ишь ты, Господи,—колотя его въ спину и пальцемъ вынимая изъ его ротика песокъ, причитывала она.—И на минуту отвернуться нельзя!..

Ребенокъ, наконецъ, ожилъ и закричалъ. Собравшія около него женщины и дѣти разошлись и вернулись, кто къ разговорамъ, кто къ играмъ.

Матреша съ Анюткой, также принимавшія живое участіе въ происходившемъ, снова сѣли на скамейку и стали пощелкивать сѣмечки.

— Это къ «Достойной», что-ль, звонили?—громко спросила какая-то женщина.

— Столовѣры говорятъ, что это наши попы выдумали къ «Достойной» звонить,—также громко, въ отвѣтъ ей, объявила Матреша.—Чтобы кухаркамъ давать знать: «Ставь самоваръ. Скоро приду». Раньше не звонили!..

Матреша вызывающе оглядѣла всѣхъ взрослыхъ присутствующихъ, но ей никто ничего не отвѣтилъ. Она прищурилась и помолчала.

Анютка тоже молчала. Она не понимала: какая такая «Достойная», и кто достоинъ? Причаститься, что-ль?

— Что-жъ, твои... ѣдутъ куда сегодня?—спросила черезъ минуту Матреша.

— Не знаю,—сказала Анютка.

— Пойдемъ вечеромъ со мною,—понижая голосъ, таинственно предложила Матреша.

— А куда?

— Ужъ пойдемъ!..—значительно подмигивая, повторила дѣвочка.

— Хорошо...—сказала Анютка.

— А шляпа есть?..—спросила Матреша.—Я шляпу надѣну,—сказала она съ важностью.

— Шляпу?.. Какую?—удивилась Анютка.

Она знала, что подруга всегда ходитъ въ бумажныхъ или шерстяныхъ платкахъ, и что иныхъ головныхъ уборовъ генеральша, и особенно «барышня», для нея не допускаютъ, находя ихъ для Матрешы лишними, безнравственными.

— Какую?—передразнила Матреша.—Надѣну!.. Съ цвѣтами!..

— Ишь ты!—отозвалась Анютка.—Нашла?

Матреша разсмѣялась, и, ничего не отвѣтивъ, обратила все свое вниманіе на возвращавшуюся изъ церкви черноглазую дѣвочку съ болѣзненнымъ, запачканнымъ ребенкомъ на рукахъ.

Дѣвочка приблизилась къ скамейкѣ и быстро спустила, почти уронила ребенка на дорожку, но ребенокъ не поморщился и, управляя жиденькими ножками, поползъ на задкѣ къ песку.

— Не причастил!—снимая бурю гутаперчевую полукруглую гребенку и снова надѣвая ее въ коротко остриженные липкіе волоса черезъ лобъ за уши, сказала дѣвочка, обращаясь къ мальчику лѣтъ семи и открывая гримасой всѣ зубы.

Мальчикъ въ коричневой, очевидно старой, подаренной ему, курточкѣ и черномъ картузѣ съ золотыми пуговками, поднявъ на нее больные золотухой, маленькіе каріе глаза.

— Говорить, не мать прислала!—продолжала дѣвочка, улыбаясь.—Хи-и-трый! Мать чисто была одѣла... говорить... Узналъ!—добавила она и продолжала съ усмѣшкой:—ничего! Въ другой разъ причащу!..

— А зачѣмъ причащать-то хотѣла?—вступила въ разговоръ среднихъ лѣтъ женщина.

Дѣвочка посмотрѣла на нее.

— А такъ!—потомъ сказала она.—Она любить...— снова улыбаясь, кивнула она головой на дорожку и ребенка въ чепцѣ, сидящаго на ней.—Вкусно!..

— Ну, ужъ дѣти теперь!.. Ужъ и дѣти!..—причитывала, качая головой, старуха-мѣщанка, поднимаясь и уходя.

Матреша и Анютка проводили ее смѣхомъ.

Анютка, глядя ей вслѣдъ, даже рассказала извѣстный анекдотъ, слышанный ею отъ одного изъ сыновей Гогольцевой, какъ вотъ такая старуха, какъ эта, думая поднять въ церкви оброненную серебряную монету, схватила чьи-то слюни.

Матреша и черномазая дѣвочка извивались отъ хохота.

— Такъ придешь?..—сказала Матреша, высмѣившись.—Такъ придешь?..—повторила она.—Вечеромъ-то?..

Черезъ нѣкоторое время дѣвочки вышли изъ садика и вновь пробрались въ церковь.

Когда, послѣ обѣдни, Анютка возвращалась домой, въ рукахъ ея былъ брошенный или забытый кѣмъ-то букетъ, вѣрнѣе пучокъ завялой травы съ полевыми цвѣтами. На душѣ ея настроеніе было праздничное, ничѣмъ, казалось, не мотивированное, но вызванное трезвономъ въ церквахъ, свѣтлыми—розовыми, голубыми, красными пятнами, двигавшимися по улицамъ изъ церквей; березками, видными во многихъ домахъ, въ лавкахъ, на балконахъ и у извозчиковъ,—солнечнымъ, безоблачнымъ лѣтнимъ днемъ, свѣтло-голубымъ небомъ, которое что-то сулило, что-то давало предчувствовать хорошее и здѣсь на землѣ, и тѣмъ восторгомъ жизни, которымъ дышала вся природа.

VI.

Весь день прошелъ для дѣвочки въ страстномъ ожиданіи вечера и въ внутреннихъ соображеніяхъ: какъ бы достать себѣ шляпу и чью?

«Сашину?.. Нѣтъ, заругается!..—думала Анютка.—Валечкину или Зоечкину?..»

Она пожимала плечами, мысленно не зная пока, на что рѣшиться.

А дома, между тѣмъ, жизнь шла своимъ чередомъ, праздничная, какъ подобаетъ. Съ парадной постоянно раздавались звонки, и Харитонъ, одѣтый, ради Троицы, въ сюртукъ и бѣлую крахмальную манишку, вмѣсто закрытаго коричневаго пиджака, бросался изъ буфетной отворять двери, потомъ изъ буфета въ столовую несли на подносѣ чай въ стаканахъ, и снова Харитонъ или

денщикъ бѣжали въ переднюю отворять. Опекаемыя дѣти, мальчики и дѣвочки—въ дорогихъ пестрыхъ, но не изящныхъ костюмахъ, погулявъ въ Лѣтнемъ саду, вернулись домой и еще болѣе, чѣмъ всегда, не зная, что съ собой дѣлать, слонялись всюду, заглядывали на кухню, гдѣ Катерина называла ихъ своими «сахарными», говорили съ ней, «кушали» то пирожки, то хлѣбъ съ масломъ, то морковку или капустную кочерыжку, потомъ шли въ гостиную, передавали видѣнное и слышанное на кухнѣ, лазили на гостей, ѣли привезенныя къ-то конфеты и прислушивались къ тому, что говорили эти гости съ хозяевами.

Молодой, жизнерадостный офицеръ, тотъ самый, который зналъ старика-генерала съ тряскими ногами и пѣтушими глазами, какъ опредѣляла его Анютка, рассказывалъ новый анекдотъ про генерала—и всѣ заливались хохотомъ.

На кухнѣ настроеніе было тоже великопраздничное. Тамъ сидѣлъ солдатъ, знакомый Катерины, пилъ «вино», которое она для него купила, и сладкими глазами смотрѣлъ на нее, какъ она, не подымая опущенныхъ рѣсницъ, точно рисуясь передъ нимъ, мѣсила тѣсто голыми почти до плечъ руками.

У старушки Пелагеи комната была переполнена посѣтителями и посѣтительницами, и сама она, въ филевой старомодной сѣткѣ, съ раскраснѣвшимися, худыми, старыми щеками, то и дѣло входила на кухню съ кофейникомъ, чтобы подбавить и прокипятить для гостей кофейку, принести сливочекъ или сухарей.

Саша была чѣмъ-то озабочена и разсержена, что ее не отпускаютъ въ гости.

— Хоть бы губернанку взяли! — говорила она, по-рицая кого-то. — А то, слава-те, Господи, 18 тысячъ получаютъ за опеку, а губернанку не на что взять!..

И въ буфетѣ, когда она проходила мимо, надъ ней подтрунивалъ, игравшій на балалайкѣ въ свободныя отъ звонковъ минуты, Харитонъ.

А Анютка ждала и ждала вечера, и соображала и соображала.

Раза два она побывала въ спальнѣ Раисы Павловны, гдѣ спали и дѣвочки; но всякій разъ тамъ былъ кто-нибудь, и она не могла сдѣлать то, на что рѣшилась. Разъ она замѣтила на туалетѣ крошечное блюдечко съ чѣмъ-то розовымъ и подушечку. Зюечка и Валечка стояли возлѣ туалета и, трогая блюдечко и подушечку пальцемъ, толкали другъ друга, и смѣялись. Въ другой разъ въ спальнѣ стояла сама Раиса Павловна и вынимала деньги изъ кожанаго мѣшка для работы. Мѣшокъ этотъ лежалъ у нея всегда на столѣ, и въ немъ она держала часть своихъ капиталовъ.

Анютка вышла и прошла къ себѣ и судомойкѣ за ширмы. Тамъ было темно и пахло, какъ всегда пахнетъ у низшей прислуги, нечистотой и ногами. Только милая, умиравшая березка благоухала своими задыхавшимися листками, и отъ этой березки вѣяло чѣмъ-то смертно-грустнымъ, не то покорнымъ упрекомъ, не то забываемой людьми весной, дугами, солнцемъ...

Ко времени обѣда, Сашу, возмущившуюся и наговорившую дерзостей, отпустили въ гости. Случилось это такъ. Пришли карточные знакомые, и Раиса Павловна, ради праздника, засѣла играть съ ними въ карты съ 3-хъ часовъ. Вызывать ее изъ-за картъ не дозволялось. Но Саша словила ее въ коридорѣ, куда она вышла, по своему дѣлу, и тогда въ отвѣтъ на Сашины дерзости, Гогольцева только добродушно махнула рукой. Саша съ радостной и вмѣстѣ нервно-злой поспѣшностью стала собираться со двора.

Къ опекаемымъ дѣтямъ, съ которыми Анюткѣ не позволялось играть, пришла въ гости дочь учительницы-француженки, и въ залѣ устроили «циркъ». Зюечка, завѣшанная краснымъ шарфомъ, съ краснымъ фуляромъ на головѣ, играла на мандолинѣ и танцевала «тироль-

скій» танецъ. Остальныя дѣти должны были изображать поблику и сидѣть въ кружокъ, но въ кружокъ имъ не сидѣлось, такъ какъ каждый лихорадочно ждалъ своей очереди — «представлять» и озлобленно спорилъ, кому когда начинать.

Наступило время обѣда. Всѣхъ за столъ сѣло 17 человекъ. Анютка до обѣда, толкаясь изъ угла въ уголъ, успѣла стащить у Пелагеи большую золотую, дутую брошку, когда Пелагея позвала ее къ себѣ въ комнату выпить остатокъ кофею, и теперь дѣвочка мечтала объ одномъ, кабы поскорѣе сѣли ѣсть. За обѣдомъ много ѣли и пили, по-праздничному. Катерина, отпуская кушанья, крестила ихъ и особенно слоеный пирогъ, надъ которымъ она три раза читала «дивурадуйсю», чтобы онъ «пондравился господамъ». (Объ этомъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ, сообщила гостямъ сама Гогольцева). Дѣти за обѣдомъ шалили, проливали супъ и воду, дѣлали соусомъ пятна на скатерти и дразнили маленькую золотушную, некрасивую Жервезъ—плодь частнаго франко-русскаго мимолетнаго, не продолжившагося союза.

Анютка ждала и ждала. Когда подали жаркое, удобное время, по ея мнѣнію, настало. Она прошла въ спальню, достала изъ картонки Валечкину шляпу, вернулась по коридору къ себѣ за ширмы, оправилась, приколотла брошку къ вороту, надѣла шляпку и, вздрагивая и замирая отъ страха, прокралась въ переднюю, быстро пересѣкла ее (слыша шаги Харитона и денщика, подававшихъ обѣдъ, и голоса въ столовой), открыла парадную дверь и... стремительно спустилась съ лѣстницы.

«Слава Богу! Никто не замѣтилъ! Швейцара, и того у дверей не было!..» — мелькнуло у нея и, выйдя изъ подъезда, она побѣжала по улицѣ.

Погода съ утра ощутительно измѣнилась къ худшему, какъ измѣнился и внѣшній видъ улицъ. Небо было свѣтло-сѣрое, плотно закрывшее солнце. Воздухъ неподвижный, спертый, насыщенный жарой и миазмами. По улицамъ въ большомъ количествѣ шли и ѣхали пьяные мужики и вообще мужчины, въ праздничныхъ, но уже не опрятныхъ, какъ утромъ, одеждахъ, съ фуражками, шляпами и картузами, съѣхавшими то на бокъ, то на затылокъ, то на лобъ. Попадались и женщины, и дѣти, но и у нихъ не было утренняго вида. Женщины шли и ѣхали или съ озабоченными, или съ злыми лицами. Нѣкоторыя, попроще, стояли на срединѣ тротуаровъ или на перекресткахъ и тянули за руки, убѣждая вернуться домой, вырвавшихся отъ нихъ пьяныхъ мужчинъ... Многія дѣти плакали.

Березокъ, особенно у извозчиковъ, почти не было видно, и сами извозчики походили на остальныхъ, встрѣчавшихся прохожихъ: были чѣмъ-то недовольны, озлоблены, а иные совсѣмъ пьяны... Въ пролеткахъ у многихъ изъ нихъ сидѣло по-двое и по-трое сѣдоковъ съ гармоніями, и сѣдоки эти пѣли и размахивали руками...

Анютка бѣжала по направленію къ улицѣ, гдѣ жила Матреша, и на сердцѣ ея было временами жутко, а временами весело.

«То-то удивится на шляпу!» — думала дѣвочка, и улыбка широко раскрывала ея большой ротъ, съ начинавшими портиться зубами.

На углу Колокольной она повстрѣчалась съ Матрешей.

— Пришла!.. — встрѣтила ее Матреша и, скользнувъ по ней взглядомъ, хихикнула. — Въ шляпѣ!.. Гдѣ взяла?..

Анютка блаженно улыбалась.

— Ннн!.. — ткнула она себя пальцемъ въ грудь, на брошку, объяснивъ про шляпу.

— Это откуда? — удивленно протянула Матреша.

— У тетеньки Пелагеи взяла! — торжествующе отвѣчала Анютка.

Св. Христофоръ. Картина И. Мона, авт. «Нивы».

Пресвятая Дѣва среди ангеловъ (Regina angelorum). Картина В. Бугро, авт. «Нивы».

— А не боишься?..—лукаво спросила Матреша, разсмотрѣвъ брошь.

— Нѣтъ! — помотала головой Анютка.—Не увидитъ. Я, какъ вернусь, назадъ положу.

— А коль потеряешь?

— Ну!..—могнула вверхъ головой Анютка, но испуганно потрогала брошку.—Держитесь!.. Крѣпко!..—объявила она.

— Ну, поидемъ!.. —засмѣялась Матреша, и дѣвочки, взявшись подъ руки, пошли.

Матреша, какъ и обѣщала Анюткѣ утромъ, была тоже въ шляпѣ. Лицо ея было напудрено, и отъ всей ея фигуры, отъ платья, шляпы, перчатокъ пахло крѣпкими, пріятными духами.

Гдѣ только, въ какихъ улицахъ не побывали дѣвочки. Обошли онѣ и Колокольную, и Дмитровскій, и Шоварской переулокъ, и Николаевскую, и Ямскую, и по Кузнечному вернулись на Владимірскую площадь. Народу, и больше пьянаго народа, имъ попадалось множество. Многіе обращались къ нимъ, звали ихъ и говорили скверныя слова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пьяные лежали на тротуарѣ, и одинъ, особенно запомнившійся Анюткѣ, весь запачканный рвотой, съ расцарапаннымъ въ кровь длиннымъ, тонкимъ, какъ шило, носомъ, нѣжно обнималъ черную, глянцевою тумбу и старался приподнять длинноволосую голову, съ которой свалился новенькій, но тоже уже испорченный грязью картузь.

— Назюзгался!..—засмѣялась Матреша, и, поглядѣвъ на тщетныя усилія мужика, дѣвочки пошли дальше.

Къ нимъ присталъ юноша-подмастерье, котораго знала Матреша, и они втроемъ подошли къ будочкѣ, гдѣ продаютъ прохладительныя напитки, и выпили по стаканчику сиропа. Юноша угощалъ; потомъ всѣ продолжали прогулку. Матреша крѣпко прижимала къ себѣ руку подруги, шла медленно и о чемъ-то шепталась съ юношей, смѣясь, будто отъ щекотки, страннымъ смѣхомъ. На рукѣ ея бряцалъ браслетъ-цѣпочка.

Анютка, не слыша отчетливо разговора, глядѣла по сторонамъ. Въ мозгу ея всплывали какія-то неясныя, забытыя, далекія воспоминанія, и отъ всего окружающаго, видамаго и слышаннаго, эти воспоминанія складывались въ опредѣленныя, грязныя, жизненныя формулы.

Съ Большой Московской тѣмъ временемъ, какъ изъ отводной для отбросовъ трубы, все больше и больше выкидывало на Владимірскую и Кузнечный человѣческихъ отрепанныхъ, искалѣченныхъ существъ.

Шли рабочіе, мужчины и женщины, юноши и дѣвочки, всѣ или почти всѣ, не твердо держась на ногахъ. Прошла, въ сопровожденіи мальчика, некрасиво присѣдая, изступленно крича и размахивая руками, молоденькая дѣвушка лѣтъ 16-ти, въ свѣтло-розовомъ платьѣ, сѣромъ платкѣ-пледѣ и свѣтломъ, шелковомъ платочкѣ на головѣ. Тонкое, красивое, какъ на иконахъ, лицо ея было разгорячено, щеки пунцовы. Мальчикъ, сопровождавшій ее и опрятно одѣтый въ суконную пару и высокіе сапоги, былъ, напротивъ, трагично жалокъ. Онъ останавливался, когда она останавливалась, и все время молчалъ. Изъ «распивочной» по Московской вдругъ растворилась дверь, и изъ этой двери съ крикомъ выбѣжалъ на улицу босой человѣкъ, въ наполовину скинутой, разорванной, полосатой, посконной рубахѣ, дырявыхъ, грязныхъ, сѣрыхъ порткахъ, съ узкимъ ремнемъ, шедшимъ черезъ окровавленный лобъ къ затылку. Кровь проступала у него и на груди, и на лѣвомъ оголенномъ плечѣ. И тотчасъ, какъ только онъ показался въ дверяхъ, со всѣхъ сторонъ,—и съ улицы, и изъ-подъ воротъ, и изъ подъздоровъ къ нему и «распивочной», изъ которой валилъ пьяный народъ, торопя и обгоняя другъ друга, боясь пропустить самое интересное въ днѣ,—бросились люди, мужчины, женщины и дѣти.

Анютка и Матреша съ своимъ кавалеромъ тоже побѣжали въ толпу, протолкались въ передніе ряды и остановились. Онѣ видѣли и слышали, какъ жестикули-

ровалъ и ругался сидѣлецъ распивочной, какъ какіе-то мужики, тоже отборно ругаясь, хотѣли бить босоногаго, полуголаго человѣка, какъ пришелъ городской, какъ вытащилъ книжку и сталъ разспрашивать сидѣльца и мужиковъ, и записывать что-то въ книжку, какъ засвисталъ въ свистокъ, какъ пришелъ другой городской, какъ звали извозчика и дворника, и какъ дворникъ сѣлъ въ дрожки, посадилъ къ себѣ въ ноги поруганнаго человѣка, сдвинулъ его зачѣмъ-то колѣнями и повезъ.

Толпа стала расходиться. Дѣвочки постояли, посмотрѣли, какъ городской медленно, точно раздумывая: войти или нѣтъ?—вошелъ въ «распивочную»,—повернули и также пошли обратно.—Матреша и юноша, оживленно дѣлая впечатлѣнія, смѣясь и остря, Анютка молча.

На улицѣ, несмотря на долженствовавшія быть свѣтлыя ночи, становилось темно. Темнѣло и небо, заволакиваемое тучами. Пьяныхъ, лежавшихъ на панеляхъ, попадалось все больше. Все больше и женщинъ, тянувшихъ за руки бѣгущихъ отъ нихъ въ кабакъ мужей и отцовъ. Недалеко отъ распивочной, но на противоположной сторонѣ улицы, извозчикъ неистово хлесталъ упавшую лошадь, а она, протягивая вверхъ жалкую, покорную морду, втягивала худые бока, силясь подняться, и не могла. Анютка остановилась-было, чтобы поглядѣть, что будетъ съ лошадью, какъ вдругъ внезапно и неожиданно въ воздухѣ пронеслись вопли. Дѣвочка испуганно переглянулась съ Матрешей и юношей, и всѣ трое прислушались. Вопли повторились и усилились. Они неслись, казалось, справа, съ Кузнечнаго, и вдругъ дѣвочки съ своимъ кавалеромъ, такъ же какъ и многіе, бывшіе на улицѣ, какъ отъ электрическаго толчка, снова пустились бѣжать. Когда они добѣжали до Кузнечнаго, густая толпа въ переулкѣ запрудила уже лѣвую сторону; неистовые крики: «Маама!.. Маама!..» неслись по воздуху, и пробраться впередъ не было возможности.

Дѣвочки остановились въ серединѣ толпы и, присѣдая, изгибаясь и смотра въ всѣ стороны, постарались разглядѣть, понять, что происходитъ.

Къ мѣсту происшествія съ Николаевской подѣзжалъ извозчикъ. На немъ, вытянувшись во весь ростъ, стоялъ городской и съ другой стороны, на подножкѣ, готовый прыгнуть, дворникъ. Боясь давить толпу, зорко глядя впередъ, они ѣхали медленно; городской, движеніемъ руки приказывая извозчику соблюдать осторожность, дворникъ, изрѣдка что-то говоря городскому. Наконецъ, они подѣхали къ трактиру, откуда слышались крики, и соскочили съ дрожекъ.

Толпа въ эту минуту подалась, разступилась и, раньше чѣмъ она сомкнулась, Анютка и Матреша успѣли разглядѣть происходившее.

Изъ трактира, въ нижнемъ этажѣ дома, человѣкъ съ озвѣрѣлымъ лицомъ, въ длинномъ, узкомъ, зеленомъ фартукѣ силится вытолкнуть колѣнкой подъ спину дѣвочку лѣтъ 10—12. Дѣвочка, совершенно голая (такъ что юное, почти дѣтское тѣло ея ярко бѣлѣло, точно свѣтлосъ въ эти сумерки, забравъ въ себя всѣ свѣтовые лучи съ улицы), ухватилась обѣими руками за раму двери, ушралась, извивалась, кусалась, отпихивалась ногами, локтями, рыжей, кудлатой головой, чѣмъ могла, и все время не кричала, а неистово хрипѣла все одно и то же слово. Сначала невозможно было разобрать это слово, но вдругъ она поперхнулась, закашлялась, этимъ воспользовались люди и отодрали ея руки отъ рамы; человѣкъ въ зеленомъ передникѣ пихнулъ ее ногой въ спину, дворники подхватили и потащили къ извозчику, и до ушей толпы ясно донесли дѣтскія всхлипыванья: «Маама! Маама!» Толпа дрогнула.

— Мааама!—не переставала кричать дѣвочка, въ изступленіи закидывая голову, лягаясь, отбиваясь всѣмъ бѣлымъ, красивымъ тѣломъ, на шеѣ котораго жалко чернѣлъ узенькій шнурокъ съ крошечнымъ серебрянымъ крестикомъ.—Маама!..

Ее съ трудомъ подняли много рукъ, съ трудомъ положили внизъ поперекъ дрожекъ, съ трудомъ придержали, накиннули на бившееся, извивавшееся тѣло какую-то простыню или салфетку. Городовой и дворникъ сѣли съ нею въ дрожки и, такъ же, какъ дворникъ на Московской придерживалъ пьянаго, придерживая ее колышками и ногами, повезли.

— Маама!— донеслось издали.

— Господи! Господи!.. — расходясь и глядя вслѣдъ отъѣзжавшимъ дрожкамъ, зывали нѣкоторые, особенно женщины въ толпѣ.

Швейцаръ противоположнаго дома, медленно возвращаясь къ себѣ, таинственно разговаривалъ съ околоточ-

нымъ и, крутя укоризненно шеей, гасилъ двусмысленную улыбку и оглядывался на трактиръ.

— Отчего она голая? — съ недоумѣніемъ и любопытствомъ спросила Анютка Матрешу.

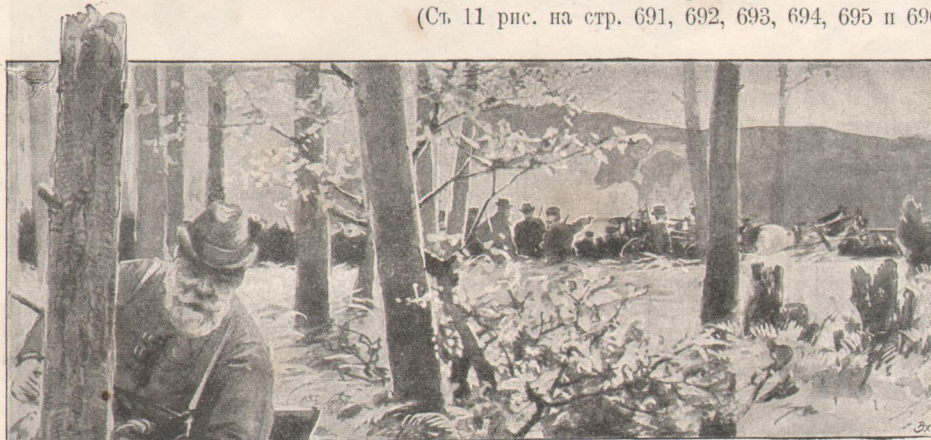
Расходясь, народъ толкалъ ее. Кто-то изъ мастеровыхъ оглянулся на нее и сказалъ что-то недвусмысленное. Матреша вскинула глаза на юношу и усмѣхнулась. Юноша, отходя отъ дома, повинуюсь распоряженіямъ полиціи, очищающей переулочъ отъ народа, нагнулся къ Анюткѣ и шепнулъ ей что-то, отчего дѣвочка сначала покраснѣла, потомъ поблѣднѣла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Охота и охотники.

Очеркъ.

(Съ 11 рис. на стр. 691, 692, 693, 694, 695 и 696).

Наступила осень, и вмѣстѣ съ нею водворился охотничій сезонъ.

Луга давно уже скошены, къ болотамъ и озерамъ открылся удобный доступъ по гладкому пространству, усѣянному кой-гдѣ стогами. Дичь за лѣто нагулила себѣ сытое и упитанное тѣло; молодые утята и иная птичья молодежь успѣли вырасти и превратиться въ солидныхъ птицъ. Скоро начнется осенній перелетъ гусей, вальдшнеповъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и дикихъ лебедей — и для каждаго истиннаго охотника пришло горячее, «страдное» время.

Говорятъ, что нужно быть самому охотникомъ, чтобы оцѣнить и понять это занятіе. Но мы думаемъ, что вполне возможно постичь всю прелесть охоты и со стороны. Можно убѣдиться въ этомъ даже принципиально, исходя изъ того давно установленнаго положенія, что охота споконъ вѣка считалась самымъ приятнымъ и благороднымъ занятіемъ выдающихся людей всего міра. Охотою увлекались царь Алексѣй Михайловичъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Аксаковъ, Терпигоревъ (Сергѣй Атава) — люди, безспорно, выдающиеся во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, что они увлекались ею не зря.

Во всякомъ случаѣ, съ древнихъ временъ и до нашихъ дней охота считается однимъ изъ наиболее захватывающихъ удовольствій. И если перелистать книгу жизни всего человѣчества, то среди его разнообразныхъ занятій, увлеченій и дѣяній охота займетъ огромное количество страницъ. Особенно — въ старыя и стародавнія времена.

Охота процвѣтала вездѣ на земномъ шарѣ — отъ полярнаго круга и до экватора. Всюду, гдѣ только появлялись люди — они непременно начинали истреблять и ловить звѣрей и птицъ.

Первоначальная цѣль и смыслъ охоты, конечно, заключались въ добываніи пищи и одежды, въ истребленіи вредныхъ звѣрей; позднѣе къ этому присоединился и меркантильный элементъ, т. е. воз-

никла мѣновая и денежная торговля продуктами охоты. Такая охота, — охота промышленная, и по сію пору служитъ главнымъ занятіемъ дикихъ и полудикихъ народовъ и нашихъ крестьянъ на сѣверѣ и сѣверо-востоцѣ Россіи.

Но уже съ давнихъ временъ охота стала считаться и удовольствіемъ, такъ какъ она давала исходъ физической силѣ и потребности движенія и была, вообще, сопряжена съ приятными и захватывающими ощущеніями. И въ то время, какъ дикари-бѣдняки охотились для поддержанія своего существованія, аристократы и богачи болѣе культурныхъ странъ предавались охотѣ, исключительно, ради удовольствія.

Въ Западной Европѣ, когда складывался феодальный строй, феодалы-рыцари занимались охотою, между прочимъ, еще и вслѣдствіе обязанности защищать своихъ плохо вооруженныхъ и бѣдныхъ вассаловъ отъ дикихъ звѣрей. Эта обязанность позднѣе перешла въ исключительное право, и къ концу XVI вѣка охота сдѣлалась привилегіей богатыхъ баръ, помѣщиковъ и магнатовъ. Простымъ людямъ было совсѣмъ запрещено охотиться, и во Франціи, напримѣръ, существовали даже законы, по которымъ крестьяне не могли преслѣдовать никакую дичь, даже вредную. Зайцы и

Косули насторожились.

Съ ищейкой.

кролики, охраняемые этими законами для удовольствия магнатов, распространялись в огромном количестве и приносили страшный вред крестьянским посевам и огородам. Вся страна кишела дичью, но дичь эта была исключительным достоянием правящих классов. Высокопоставленные охотники имѣли право въѣзда на крестьянские луга и поля, имѣли право топтать и портить ихъ посѣвы и огороды, а крестьяне не смѣли даже ставить на поляхъ изгородей, чтобы не помѣшать охотничьимъ вторжениямъ. Мало того, крестьянскія собаки (былъ такой законъ!) обязаны были таскать на шеѣ чурбанъ, чтобы не имѣть возможности погнаться за какой-нибудь куропаткой.

Охота тогда была не только удовольствіемъ, но и почти священнодѣйствіемъ. Богатые дворяне и, въ особенности, придворные обязаны были, волею-неволею, предаваться удовольствіямъ охоты, потому что этого требовалъ свѣтскій этикетъ, и потому что самъ король и его

дворъ считали охоту однимъ изъ существеннѣйшихъ и важнѣйшихъ занятій.

При Людовикѣ XVI во Франціи, какъ говорить въ одномъ изъ своихъ сочиненій И. Тэнъ, охота обходилась королю въ 1.200.000 ливровъ въ годъ. При дворѣ содержалось специально для охоты 280 лошадей и существовали особыя псарни для кабанной, волчьей и оленьей травли. Королевское егермейстерство простиралось на 10 лье кругомъ Парижа. Въ Фонтенебло ходили на свободу королевскія стада оленей, до 70—80 головъ.

И какъ охотились тогда! «Ни одинъ истинный охотникъ,—говоритъ Тэнъ,—не въ состояніи удержаться отъ чувства зависти, просматривая охотничьи замѣтки того времени. Король Людовикъ XV затравилъ, напримѣръ, 6.400 оленей, Людовикъ XVI за 14 лѣтъ убилъ

189.251 штуку разной

дичи, не считая 1.254

оленей». Тэнъ заимствуетъ эти цифры изъ

личной записной книжки

короля, и по цифрамъ этимъ выходитъ, что въ періодъ вре-

мени между 1785 по 1789 годъ король охотился почти

черезъ два дня на третій. Отъ короля, конечно, не отставали

и придворные, а за ними и все такъ-называемое «общество».

—Примѣру Франціи слѣдовали и другія государства.

У насъ, въ Россіи, страстнымъ охотникомъ былъ Владиміръ

Мономахъ, любившій вмѣстѣ съ дружиною поразить кости

на охотѣ. Въ своемъ завѣщаніи онъ оставилъ любопытный

перечень своихъ охотничьихъ подвиговъ: «А въ Черниговѣ

дѣлалъ есмь: конь дикихъ своими руками связалъ естъ, а въ пу-

щахъ 10 и 20 живыхъ конь. Олень мя одинъ боль, а 2 лося одинъ

погама топталъ, а другій рогама боль». Страстно любилъ охоту и царь

Алексѣй Михайловичъ. При немъ былъ изданъ любопытный охотничій

уставъ—«Урядникъ сокольничья пути». Этотъ своеобразный охотничій

кодексъ имѣлъ характеръ настоящаго закона и вошелъ даже въ «Полное

собраніе законовъ Россійской Имперіи».

Царь Алексѣй Михайловичъ особенную любовь питалъ къ соколиной охотѣ.

Поэтому и изданный имъ уставъ гласитъ, исключительно, объ этой охотѣ. «Зѣло

потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя», говорится въ «Урядникѣ». «Красно-

смотрителенъ же и радостенъ высокаго сокола лѣтъ; безмѣрно славна и хвальна кречатья добыча».

Соколиная охота была въ почетѣ не въ одной только Россіи, но и кое-гдѣ въ другихъ

странахъ,—и между прочимъ въ Англій. Но въ болѣе позднія времена «кречатья добыча» и

«высокаго сокола лѣтъ» вывелись изъ моды и замѣнились псовыми охотами и облавами на

крупнаго звѣря.

Борьба оленей.

Глухаринный токъ.

Лось показался.

повести из крѣпостной эпохи.

Какъ охотятся у насъ и на Западѣ въ настоящее время?

Псовья охота en grand отошла въ вѣчность. Грандіозныя облавы и охота на крупнаго звѣря составляетъ рѣдкую и доступную только для богатыхъ людей роскошь. Теперь съ большимъ успѣхомъ можно охотиться съ «золотыми и серебряными пулями», чѣмъ со свинцомъ и порохомъ. Да и крупное звѣрье уже, по большей части, повывелось.

Существуетъ теоретическое раздѣленіе охоты на «охоту высокую» и «охоту обыкновенную». Къ высокой (парадной, серьезной) охотѣ относится охота на благороднаго звѣря—олени, лося, серну, кабана и на тетеревовъ и вальдшнеповъ, а къ обыкновенной—охота на всякую мелкую звѣринаго и птичьяго царства.

И, вотъ, все болѣе и болѣе охота переходитъ изъ высокихъ сферъ въ сферы низменныя. Благородныя животныя исчезаютъ, или же становятся достояніемъ богатыхъ людей, которые заводятъ для такой дичи особые парки. И на долю охотниковъ остаются звѣри менѣе благородныя: лисицы, барсуки, зайцы—и птицы, такъ сказать, менѣе высокаго полета: утки, бекасы, кулики и прочія имъ подобныя.

Но высокая охота все-таки еще существуетъ и донинѣ. Вънѣшнѣе ея признается охота на дикаго оленя.

Въ лѣсныхъ областяхъ Альпъ и въ сѣверной равнинѣ Германіи до сихъ поръ еще встрѣчаются эти благородныя животныя. Выслѣдить и убить дикаго оленя считается крайне трудно, потому что онъ отличается удивительной чуткостью и осторожностью. Недаромъ его называютъ «лѣснымъ привидѣніемъ» и говорятъ, что хорошаго оленя можно увидѣть только разъ въ жизни. Охотничья нѣмецкая лѣсенка гласитъ объ оленѣ, что его только подозрѣваютъ, но, навѣрное, не знаютъ, потому что онъ находится не тамъ, гдѣ думаютъ, и идетъ не туда, гдѣ его ждутъ. Охота на оленя начинается въ августѣ, когда у молодыхъ оленей уже вырастаютъ рога, и въ лѣсу то здѣсь, то тамъ начинаютъ

въ эпоху крѣпостного права псовья охоты сдѣлались настоящими торжественными празднествами. Помѣщики заводили себѣ огромныя своры борзыхъ и гончихъ собакъ и носились съ ними по полямъ и лугамъ съ дикимъ гиканьемъ и уханьемъ, трава лисицъ, зайцевъ и волковъ, и находи какую-то особую поэзію въ этой гоньбѣ «по красному звѣрю». Поэтическія описанія этихъ охотъ можно найти въ любомъ романѣ и

на стѣнѣ въ комнатѣ охотника—и этотъ вещественный знакъ его побѣды такъ приятно щекочетъ потомъ его охотничье самолюбіе...

На оленей иногда предпринимаются цѣлыя облавы. Мѣстность, гдѣ предполагается мѣстопребываніе звѣря, опфилается веревкой съ цѣпными тряпочками. Олени, неизвѣстно по какой причинѣ, испытываютъ отчаянный страхъ предъ такими тряпочками—и когда загонщики выгоняютъ оленя къ опфиленному мѣсту, онъ въ ужасѣ мечется предъ роковой веревкой и легко дѣлается добычей стрѣлковъ, спокойно стоящихъ на опредѣленномъ мѣстѣ. Иногда онъ въ отчаяніи пытается прорваться черезъ роковую преграду и при этомъ поднимаетъ веревку на рога. Тряпочки окружаютъ его, трепещутъ на вѣтру, и олень въ полномъ безумствѣ несется по лѣсу, весь украшенный разноцвѣтными флагами.

Не менѣе интересна охота на серню. Но она доступна только тѣмъ изъ охотниковъ, которые въ состояніи карабкаться на горныя вершины Альпъ и возвышенностей Тироля и Баваріи. Серны водятся тамъ въ изрядномъ количествѣ; въ Швейцаріи онѣ пользуются даже покровительствомъ особыхъ охотничьихъ законовъ, не допускающихъ хищническаго истребленія этого красиваго и безвреднаго звѣря. Но для того, чтобы добраться до нихъ, нужно совершить цѣлое путешествіе. Нужно забрать съ собою теплую одежду, провіантъ, а также и хорошихъ проводниковъ и идти въ походъ въ горы съ вечера, потому что надо добраться до вершины еще до восхода солнца. Иначе снизу вверхъ поднимется обычный утренній вѣтеръ, и серны услышатъ идущихъ къ нимъ по вѣтру охотниковъ. Ночью же вѣтеръ дуетъ наоборотъ: съ горы въ долину.

Ночное восхожденіе среди ледяныхъ глыбъ, расщелинъ, среди глетчеровъ и нависшихъ снѣговыхъ массъ изобилуетъ всевозмож-

Общими силами на кабана.

ными трудностями и даже опасностями и очень утомительно. Но зато сама по себе охота на серну в оригинальной горной обстановке, среди вечно снежных гор, полна особой прелести для всякого, кто испытал ее хотя раз в жизни.

Редко кому из охотников высшего полета доводится испытать и опасную охоту на дикаго кабана. Несмотря на то, что кабан в сущности та же свинья, и стало-быть, происхождение далеко не аристократического, охота на него считается охотой высокого ранга и далеко не всякий смертный удостоивается принимать в ней участие. Дело в том, что дикие свиньи почти повсеместно истреблены и сохраняются только в садках и парках различных высокопоставленных лиц и магнатов. Они попадают,

впрочем, еще в Тюрингенском лесу и к северу от него, по

охоты en grand, и смѣняются скромными путешествиями «ружейного охотника» по лесам и болотам в полном одиночестве. Длиннохвостый «Рейнеке-Лис» в Германии подвергается всевозможным посягательствам на свою жизнь: за ним гоняются со сворами гончих и борзых собак, устраивают облавы, выслеживают его с таксами, заставляя выскочить из норы, и даже «откапывают» его. Последний способ, впрочем, настоящими охотниками не одобряется, потому что при «выкапывании» лисницы из ее норы зря портится самая нора. Многие из охотников предпочитают закупоривать все входы и выходы из лисей норы, пока лисы ибьт дома, а затем «выколачивают» все соседние кусты, где прячется выселенный таким образом из своей квартиры Рейнеке, и излавливают

очень редко.

С дикою свиньею шутки плохи, особенно когда охотничьи собаки «поднимут» ее из логовища и разозлят. Но кабан имеет обыкновение ломиться вперед по прямой линии и увертливый охотник всегда имеет возможность во время отскока и так или иначе догнать ее.

«Высокая охота» имеет своими сюжетами и птиц. Такими сюжетами, по справедливости, считаются тетерева, фазаны и вальдшнепы.

Охота на вальдшнепа («тяга») в высшей степени поэтично и колоритно описана у Тургенева и у Л. Толстого. Читатели, навѣрное, вспомнят о том, как Левин послѣ своего разрыва с Кити первая известия о ней получил от Стивы Облонского, именно, в то время, когда стоял вместе с ним на тяге. Толстой вставил этот эпизод в рамку такого художественного описания тяги, что ни один истинный охотник не прочтет этих страниц без особо-повышенного настроения. Читатели, навѣрное, вспомнят и другое такое же художественное описание охоты Левина в другом месте романа.

Тетеревь—редкая, богатая добыча для охотника. За тетеревами

его на бѣгу. У нас, в Россіи, предпочитают устраивать облавы на лисниц, волков и иного звѣря сразу — кто попадется. В помощничьи времена, конечно, процвѣтала травля с гончими. Вспомним, кстати, сцену такой травли в «Войне и Мирѣ».

«Обыкновенная охота» у нас, в Россіи, столь же разнообразна, как и в иных странах. Мы бьем зайцев

охотятся ранней весной, когда тетерева «токують». Странное впечатление производит пѣніе этой мощной птицы с ее орлиным клювом и темным солидным оперением: из крупного и могучаго горла исходит тонкій скудный голос, похожий на звон стекла и на тот звук, который получается при точении. Пѣсня тетерева начинается короткими «стеклянными» звуками, а затѣм раздается «точение». В эту пору тетерев совершенно поглощен своим пѣніем, и охотник легко может подкрасться к нему на расстояние выстрѣла.

Что касается «охоты обыкновенной», т. е. на обыкновенную мелкую дичь и звѣрье, то к этому разряду охоты наши западные сосѣди причисляют также и охоту на косулю, лисицу и иных довольно крупных звѣрей. У нас, в Россіи, такого взгляда, пожалуй, не существует, и во многих местах нашей родины охота, например на лисицу, не говоря уже о такой редкости, как дикая коза, считается развлечением редким и скорѣе аристократическим, чѣм демократическим... Вообще нужно сказать, что высокая охота у нас, как и на Западѣ, совсем исчезает. Исчезают и народныя

Косуля крадется.

Легавая.

Удачный выстрѣль.

съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и нѣмецкіе «Sonntagsjäger»ы, охотимся съ такимъ же усердіемъ за дупелами и бекасами и не прочь побаловаться охотою на бѣлокъ, гдѣ таковыя водятся. А что касается утокъ и куликовъ—этихъ обыкновеннѣйшихъ и в у л р г а р н ѣ й ш и х ъ сюже т о в ѣ ружей-ной охоты, то они избиваются на нашихъ болотахъ въ не-исчислимомъ количествѣ.

Самый лучший и наиболѣе любимый нами родъ охоты—это болотная охота съ сеттеромъ или съ легавой собакой. Вѣрный другъ и пріятель—собака удивительно любитъ и умѣетъ охотиться и иной разъ всю почти работу беретъ на себя, предоставляя своему господину, только идти за собою по пятамъ и, гдѣ нужно, под-нять ружье и выпалить.

На болотѣ мы бьемъ утокъ, куликовъ, сидя иной разъ по поясъ въ водѣ въ ожиданіи, пока гдѣ-нибудь по близости не опустится утиный выводокъ. На болотѣ—или вѣрнѣе, на опушкѣ болота, гдѣ возвышаются покрытыя травой кочки, мы стрѣляемъ прыткихъ и лукавыхъ бекасовъ. Вотъ охота, которая страшно дѣйствуетъ на нервы! Бекасъ вылетаетъ изъ-подъ кочки, какъ молнія—прямо изъ-подъ вашихъ ногъ или подъ носомъ у собаки—и почти моментально кувыркается обратно куда-нибудь подъ кочку. И нужно успѣть ударить ловкую птицу въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда она еще несетъ по воздуху. Эта охота иной разъ приводитъ въ полное отчаяніе и бѣшенство самыхъ выдержанныхъ охотниковъ, особенно, если они охотятся въ компаніи и если компаньоны ухитряются быть болѣе ловкими въ стрѣльбѣ. Нигдѣ до такой степени по разыгрывается такъ - называемая «jalousie de métier», какъ на охотѣ. Поэтому охотиться нужно не иначе, какъ въ «блестящемъ одиночествѣ».

Вотъ на такихъ, именно, охотахъ, какъ бекасная или дупелиная, гдѣ нужно-обладать самоуверенностью, выдержкой и мѣткостью руки и глаза, и сказывается лучше всего разница между охот-

никами на категоріи, придуманное однимъ изъ нашихъ писателей. Онъ говоритъ, что существуетъ три разряда охотниковъ: «ахалы», «бухалы» и «шлѣпалы». «Ахалы» только ахаютъ, когда вылетаетъ дичь—и ничего другого не предпринимаютъ. «Бухалы»—бухаютъ изъ ружья зря, по первому вдохновенію, и обыкновенно даютъ вполнѣ заслуженный ими промахъ. «Шлѣпалы» же бьютъ съ выдержкой, съ увѣренностью, съ знаніемъ дѣла и попадаютъ, куда слѣдуетъ. Къ первой категоріи, конечно, относятся почти всѣ любители.

Но кто истинный охотникъ? Кто не любитель только (въ дѣлѣ всякій охотникъ, по существу, любитель, такъ какъ любить свое дѣло), но охотникъ по призванію, по склонности своего сердца, духа, темперамента?

Истинный охотникъ—тотъ, кто терпитъ изъ-за охоты страданія и идетъ на всякія охотничьи жертвы и мугу съ любовью и радостью. Кто сидитъ цѣлыми часами по поясъ въ холодной водѣ, ожидая какого-нибудь захудалого утенка, кто идетъ въ пыломъ въ стертыхъ сапогахъ въ удушающей жарѣ, страдая отъ жажды и голода, за десятки верстъ, къ какому-нибудь «Кривому болоту», потому что тамъ, по слухамъ, объявился бекасиный выводокъ, кто стоитъ на тѣгѣ, не смѣя шевельнуться цѣлыми часами, дрожа отъ холода—тотъ истинный охотникъ.

Изъ-за своей радостной и яркой цѣли онъ не видитъ и не замѣчаетъ никакихъ неудобствъ и страданій.

У лисьей норы. („Выкапываніе лисицы“).

«Охота пуще неволи» — эта пословица сложена, именно, про него.

Св. Христофоръ.

(Рис. на стр. 688).

Святой Христофоръ, изображенный на картинѣ художника I. Мока, является излюбленнымъ лицомъ въ многочисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ. Легендарную спену изъ его жизни, именно, и изображаетъ воспроизведенный въ настоящемъ № «Нивы» рисунокъ.

Св. Христофоръ жилъ въ Самосѣ (въ Ликии) и подвергся мученической кончинѣ при императорѣ Деци. Но немцы легенды приурочиваютъ его житіе ко времени старинныхъ германскихъ королей и изображаютъ этого святого въ крайне оригинальномъ видѣ.

Св. Христофоръ, какъ гласятъ эти легенды, отличался необычайнымъ ростомъ (12 футовъ), звѣринымъ видомъ (его иногда изображаютъ съ собачьей головой) и чрезвычайной физической силой. Чувствуя себя столь сильнымъ, св. Христофоръ будто-бы рѣшилъ быть въ повиновеніи только у того, кто окажется еще сильнѣе его; Поэтому онъ сталъ служить нѣкому могучему князю. Но князь этотъ боялся чорта — и тогда св. Христофоръ перешелъ въ повиновеніе къ чорту. Однако святой скоро замѣтилъ, что чортъ очень боится изображенія Христа; изъ этого онъ заключилъ, что Христосъ сильнѣе всѣхъ — и тогда сталъ служить уже Христу. Св. Христофоръ пожелалъ во имя этого служенія креститься — и ему назначено было въ видѣ предварительнаго испытанія перенести на своихъ плечахъ паломниковъ черезъ бурный потокъ. Исполняя это порученіе, св. Христофоръ несъ однажды нѣкоего младенца. Младенецъ этотъ былъ самъ Христосъ. Во время пути онъ погрузилъ святого въ потокъ, окрестилъ его этимъ погруженіемъ — и наименовалъ «Христоносцемъ» («Christophorus»). Такъ возникло его имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ создалась тема для многочисленныхъ изображеній этого святого.

Въ Россіи, въ отдаленномъ сѣверномъ заходѣ Пермскаго и Вятскаго края, имѣются нѣсколько любопытныхъ старинныхъ изображеній св. Христофора. Одно изъ нихъ находится въ церкви с. Ныроба и представляетъ св. Христофора съ собачьей головой, съ мечемъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой. У мѣстныхъ подязычниковъ — зырянъ этотъ святой, благодаря такому своему виду, почитается покровителемъ собакъ, и, отправляясь на охоту, они нерѣдко просятъ мѣстнаго духовенства отслужить молебенъ «собачьему богу». Другія изображенія св. Христофора встрѣчаются въ Вяткѣ, въ Кунгурѣ (Пермской губ.) и въ селѣ Веслянкѣ Осинскаго уѣзда (тамъ же). Въ церкви с. Веслянки святой изображенъ даже не съ собачьей, а ослиною головою, очевидно, вслѣдствіе неумѣнія художника.

Русикъ съ моря (Крымъ).

(Рис. на стр. 685).

Яркимъ образцомъ изящной и художественной живописи А. И. Мещерскаго можетъ служить его пейзажъ *Русикъ съ моря*, воспроизводимый въ настоящемъ номерѣ нашего журнала.

«Русикъ», изображенный талантливымъ пейзажистомъ, представляетъ собою одну изъ мѣстностей знаменитаго Аюна, занятую русскимъ монастыремъ св. Пантелеймона.

Этотъ монастырь принадлежалъ русскимъ изданию и существовалъ до XVIII вѣка. Его не забывали своими даяніями Иоаннъ Грозный и позднѣйшіе русские государи. Но въ концѣ XVIII вѣка (послѣ 1770 года) Руссику пришлось плохо: иноки

должны были покинуть его, такъ какъ у нихъ не оказалось средствъ къ существованію. Въ 1803 году, на мѣстѣ оставшейся отъ прежней обители монастырской пристани, съ храмомъ Вознесенія, возникла новая русская обитель трудами строителя-монаха Саввы. Послѣ адрианопольскаго мира, когда умолкли ужасы русско-турецкой войны, отозвавшіеся на Аюны, были построены прекрасныя зданія, украшающія нынѣ обитель и, между прочимъ, храмъ св. Пантелеймона, гдѣ хранится глава великомученика съ другими мощами.

Въ 1850 году монастырь св. Пантелеймона былъ въ рукахъ грековъ. По строгости своего устава этотъ монастырь — одинъ изъ первыхъ.

Предѣсть окружающей природы, окаймляющей Русикъ зелеными гребнями горъ и лазурной пеленою моря, въ картинѣ А. И. Мещерскаго передана ярко и жизненно, во всей своей поэтической красотѣ.

В. Бугро.

(Портретъ на стр. 697).

Французское искусство понесло крупную утрату: 6 августа (ст. стили) скончался въ г. Ла-Рошелѣ въ преклонномъ возрастѣ, извѣстный художникъ Вильямъ-Адольфъ Бугро, имя котораго хорошо знакомо русскимъ художникамъ и всѣмъ русскимъ любителямъ живописи.

Покойный художникъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей и приверженцевъ той специальной французской манеры въ живописи, которая характеризуется особою сочностью красокъ, изяществомъ композиціи и нѣкоторой долей своеобразной пикантности.

Бугро былъ поистинѣ поэтомъ женскаго тѣла. Онъ изображалъ его съ удивительной художественной правдой и въ то же время умѣлъ избѣгать грубаго реализма, надѣляя свои сюжеты истинной поэзіей красоты и граціи.

В. Бугро родился въ Ла-Рошелѣ въ 1825 году. Образование свое,

какъ художникъ, онъ получилъ въ Ecole des Beaux-Arts, гдѣ работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго въ свое время художника Пико. Большинство первыхъ картинъ Бугро написаны на историческія темы («Перенесеніе въ катакомбы останковъ св. Дециліи», «Императоръ, посѣщающій потерпѣвшихъ отъ наводненія»). Кроме того, онъ разрабатывалъ библейскіе, релігіозные и мифологическіе сюжеты («Возвращеніе Товія», «Богородица утѣшительница», «Пр. Дѣва среди ангеловъ» (воспроизведеніе которой читатели найдутъ въ этомъ № «Нивы»), «Молодость Вахша», «Амуръ побѣдитель» и большая композиція «Рожденіе Венеры»).

Съ 1876 года Бугро состоялъ членомъ французской академіи. Въ его лицѣ скончался одинъ изъ патриарховъ французской живописи, одинъ изъ тѣхъ «anciens», о которыхъ молодыя поколѣнія говорятъ не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія.

Бѣгство горныхъ козъ.

Новая телефонная станция въ С.-Петербургѣ. Фасадъ зданія станции на Морской ул.

По фот. Я. Полонскаго, авт. «Нивы».

Новая телефонная станция въ С.-Петербургѣ.

(Съ 3 рис. на стр. 697 и 698).

Съ переходомъ телефоннаго предприятия изъ рукъ акціонерной компаніи Белля въ руки городского управленія, петербургское телефонное дѣло подверглось цѣлому ряду крупныхъ реформъ.

Воздушные провода теперь замѣняются подземными, сильно уменьшена плата за пользованіе телефономъ и измѣнена система сигнализациі на телефонныхъ станціяхъ. Въ связи съ этимъ городское управленіе открыло великолѣпную новую главную станцію, устроивъ ее сообразно самымъ послѣднимъ требованіямъ техники.

Новая телефонная станція помѣщается вмѣстѣ съ управленіемъ на Морской улицѣ въ домѣ № 22, прибрѣтенномъ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ специально для устройства телефонной станціи и

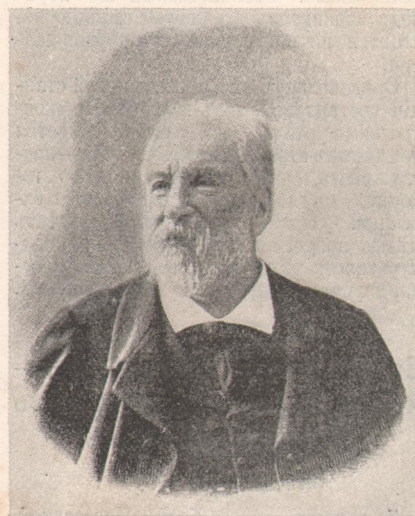
за-ново перестроенномъ. Передѣлка зданія и устройство станціи обошлись около 200.000 руб.

Станція помѣщается въ верхнемъ этажѣ зданія; управленіе и различныя служебныя отдѣленія — въ среднихъ этажахъ. Всѣ помѣщенія отличаются полнымъ благоустройствомъ. Въ особенности, огромная зала, гдѣ работаютъ телефонистки, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ и обиліемъ свѣта и воздуха.

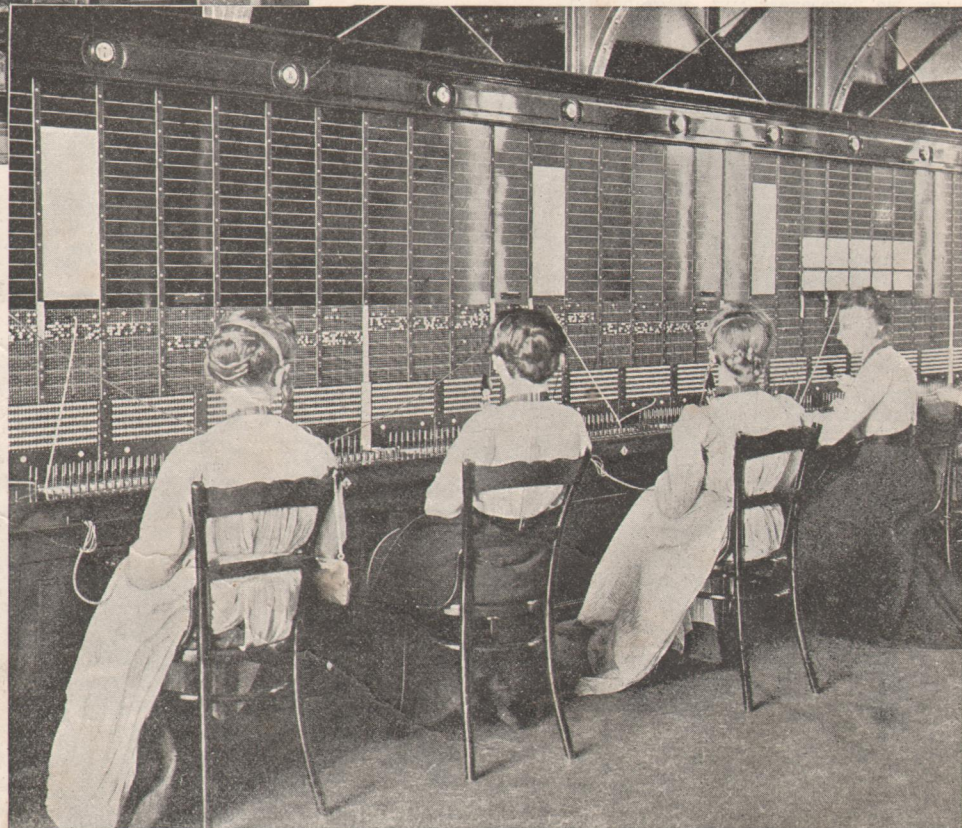
Какъ на особенную достопримѣчательность новой станціи слѣдуетъ указать на оригинальную систему сигнализациі, введенную въ настоящее время вмѣсто прежнихъ выскакивающихъ нумерковъ. Сигнализациа совершается теперь путемъ закиганія крошечныхъ лампочекъ. Она имѣетъ огромныя преимущества предъ прежнею пневматическою сигнализацией, когда нумерки, выталкивавшіеся струей воздуха, то и дѣло застрѣвали и вносили настоящій беспорядокъ въ спѣшное и хлопотливое дѣло телефонныхъ переговоровъ.

Станція въ настоящее время уже открыта и съ успѣхомъ дѣйствуетъ.

Станція разсчитана на 12.000 абонентовъ, но въ настоящее время имѣются лишь 1.500, такъ какъ устройство ея еще далеко не закончено, и далеко не всѣ абоненты переведены «на новый ладъ». Одновременно съ новой станціей продолжаетъ функционировать и старая, и это вноситъ порядочное неудобство и даже путаницу въ пользованіе

Французскій художникъ В. Бурро († 6 августа с. г.). По фот. авт. «Нивы».

Новая телефонная станція въ С.-Петербургѣ. Телефонныя барышни за работой. По фот. Я. Полонскаго, авт. «Нивы».

телефонами. Окончательный же перевод абонентов на новую станцию состоится не ранее как года через два-три.

Оригинальную особенность новой станции составляют так-называемые «контрольные столы» (на станции имеется три таких стола). Назначение их—подслушивать, что говорят и как говорить с абонентами телефонных барышни. Такое «шпионство» имеет целью предотвратить грубость и неаккуратность телефонисток, на что иногда, впрочем редко, жалуются абоненты.

Закладка первой показательной гончарной мастерской в слободѣ Павловской.

(Рис. на этой стр.).

7 августа в слободѣ Павловской, Царкосельскаго уѣзда, состоялось скромное, но очень серьезное по своему культурному значению торжество: закладка первой показательной гончарной мастерской.

Смысл и значение этого учреждения вполне понятны: мастерская имеет целью вызвать среди местных кустарей-гончаров соревнование в художественной выделке из глины всевозможных предметов, а самое главное, дать им образцы для изделий и познакомить их с новейшими техническими приемами и усовершенствованиями. С этой последней целью при мастерской устраивается специальная школа.

Мастерская сооружена по проекту и по инициативѣ известного специалиста по глиновѣдѣнію, М. И. Блавенца, на средства царкосельской земской управы. Оказавъ этому симпатичному дѣлу денежную помощь, царкосельское земство послѣдовало примѣру других земствъ, усердно помогающихъ кустарямъ устройствомъ различныхъ подобныхъ же показательныхъ мастерскихъ-

Новая телефонная станція въ С.-Петербургѣ. Общій видъ телефоннаго зала. По фот. Я. Полонскаго, авт. «Нивы».

Первая показательная гончарная мастерская, въ слоб. Павловской. По фот. авт. «Нивы».

выставокъ, и оказаніемъ имъ широкаго кредита. Для сбыта выдѣланныхъ вещей будетъ устроенъ при описываемой мастерской посреднической складъ, а для знакомства кустарей съ лучшими образцами глиняныхъ изделий—музей, въ которомъ будутъ представлены полныя коллекціи и отдѣльные образцы гончарныхъ работъ.

Что же касается выбора мастеровъ, которые могли бы быть со временемъ руководителями и, такъ сказать, профессорами мастерской, то для избранія ихъ въ самый же день открытія мастерской былъ устроенъ конкурсъ. Побѣдителями на этомъ конкурсѣ оказались трое кустарей, представившіе лучшія изделия. Отдавъ имъ пальму первенства, земство начнетъ теперь обучать ихъ на свой счетъ гончарному искусству съ тѣмъ, чтобы они потомъ, по надлежащемъ усовершенствованіи, заняли въ мастерской должности учителей-показателей.

Пожелаемъ успѣха этому полезному предпріятію.

Учреждение Государственной Думы.

(Продолжение).

52. В тех случаях, когда заседание Государственной Думы не состоится по неприбытию положенного числа членов (ст. 7), подлежащее рассмотрению дѣло назначается къ новому слушанию не позднее двухъ послѣ несостоявшихся заседаній недѣль. Если же въ течение этого срока дѣло къ слушанию назначено не будетъ или заседание Думы вновь не состоится по неприбытию положенного числа членов, то подлежащий Министръ или Главноуправляющій отдѣльной частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоудно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданія новаго закона (ст. 34) подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запискою. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то Предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ отдѣлѣ Государственной Думы заявленія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданія новаго закона извѣщаются Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ Государственный Секретарь, съ сообщеніемъ имъ копій съ заявленія и относящихся къ нему приложений, не позднее, какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльной частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльной частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общемъ Собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется Предсѣдателемъ Думы въ Государственный Совѣтъ, черезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благоволеніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшаго его разработка возлагается на подлежащаго Министра или Главноуправляющаго отдѣльной частью или же на Государственного Секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то Предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе Общаго ея Собранія.

59. Принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему Министру или Главноуправляющему отдѣльной частью.

60. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей членовъ Общаго ея Собранія не признаетъ возможнымъ удовлетворить сообщеніемъ Министра или Главноуправляющаго отдѣльной частью (ст. 60), то дѣло восходитъ, черезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее благоволеніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядки дѣйствія указаннаго въ статьѣ 12 совѣщанія, а также обязанности канцелярій Думы, ея пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ ея учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ.

Торжественное обѣщаніе Членовъ Государственной Думы.

„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности Членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего союсерно подпишемся“.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: а) по губерніямъ и областямъ и б) по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Киеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совместно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примечаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. а) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: а) уѣздныхъ землевладельцевъ; б) городскихъ избирателей; и е) уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распределеніе ихъ между уѣздами и съездами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ б) статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ столицахъ—въ числѣ ста шестидесяти, а въ остальныхъ городахъ—въ числѣ восьмидесяти.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: а) лица женскаго пола; б) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; в) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; г) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; д) бродячіе инородцы; и е) иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (б) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: а) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе вѣтреннаго имущества, укравательство похищеннаго, покупу и принатіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилюствившаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; б) отрѣзанные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣзанія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилюствившаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; в) состоящіе подъ свѣдѣніемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ а) или влекущихъ за собой отрѣзаніе отъ должности; г) подвергшіеся несостоятельности, впрелдъ до опредѣленія свойства ея; д) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; е) лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды общества и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ; и ж) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: а) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, и б) лица, занимающія полиційскія должности,—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ, вмѣсто своихъ отцовъ, по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладельцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣзды городскихъ избирателей—городскаго головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ указанныхъ въ пунктѣ б) статьи 1 городовъ образуются въ нихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городского головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему предоставляется распределять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки, подписная плата за „Ниву“ 1905 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленною присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Испорченная натура. Повѣсть Кн. М. В. Волконской. (Продолженіе).—Охота и охотники.—Св. Христофоръ.—Русскій съ моря. (Крымъ).—В. Бугро.—Новая телефонная станція въ С.-Петербургѣ.—Закладка новой показательной гончарной мастерской въ слободѣ Павловской.—Учрежденіе Государственной Думы. (Продолженіе).—Заявленіе.—О значеніи швейной машины въ домашнемъ обиходѣ и промышленности.—Объявленія. Р И С У Н К И: Страда.—На охотѣ.—Русскій съ моря.—Св. Христофоръ.—Пресвятая Дѣва среди ангеловъ (Regina angelorum).—Съ ищейкой.—Косули насторожились.—Глухариний токъ.—Борьба оленей.—Лось показанъ.—Общими силами на кабана.—Косуля крадется.—Легава.—Удачный выстрѣлъ.—У лилейной норы.—Бѣство горныхъ козъ.—Новая телефонная станція въ С.-Петербургѣ. Фасадъ зданія станціи на Морской улицѣ.—Французскій художникъ В. Бугро.—Новая телефонная станція въ С.-Петербургѣ: 1) Телефонныя барышни за работой. 2) Общій видъ телефоннаго зала.—Первая показательная гончарная мастерская въ слободѣ Павловской. Къ этому № прилагаются: „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за сентябрь 1905 г., 2) „ПАРИЖОНІА МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1905 г. съ 34 рис. и отдѣлн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 5 рис. выиганія.

О значені швейной машины въ домашнемъ обиходѣ и промышленности.

Семиэтажный гранитн. домъ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ въ СПБ., Невскій пр., № 28.

«Синяя синичка весь бѣлый свѣтъ одѣла»
(Русская народная загадка).

I.

Пѣсня иголки—грустная пѣсня... Быстрой чередой пронесется думы одна за другою, а игла движется медленно въ слабыхъ натруженныхъ рукахъ. Усталые пальцы не въ силахъ побороть грубую ткань. Недаромъ говорить пословица: «Крой да пѣсни пой, шить станешь наплачешься»...

Сотни лѣтъ, вѣка за вѣками, во всѣхъ странахъ міра, въ шумныхъ городахъ и въ мирной, благодатной тиши селъ и деревень коротаетъ за шитьемъ долгіе зимніе вечера и бѣлая лѣтняя ночи терпѣливая труженица. Работы гибель, нужно обшить всю семью, тому обнову сдѣлать, тому заплатать да перешить,—а руки одні, намучены за страдой и за домашними работами, трудно имъ съ иглой управиться. Въ народѣ нашемъ даже поговорка сложилась: «Иглою да бороной деревня стоять».

Но свѣтлый лучъ чело-вѣческаго гения, все болѣе облегчающаго своими изобрѣтеніями борьбу за существованіе, заглянулъ и въ эту область труда, — и на смѣну иглы изобрѣлъ стальные мускулы машины, не знающей ни усталости, ни срока; у каждой работницы изъ-подъ машины выходитъ образцовое, искусное шитье:

такой правильности шва, такой быстроты и простоты работы нельзя было и мечтать достигнуть рукой.

Громадна заслуга перваго изобрѣтателя швейной машины, но еще болѣе значительна была работа ея усовершенствователей, подхватившихъ великую идею и сдѣлавшихъ изъ примитивнаго аппарата, съ механически двигающейся иглой, чудо технического искусства.

Полвѣка изощрялись лучшіе техники и механики, и въ этомъ отношеніи львиная доля труда и усилій выпала Компаніи Зингеръ, специализировавшейся въ этомъ дѣлѣ. Полвѣка неустанно жертвовались Компаніей Зингеръ огромныя средства на усовершенствованіи и замѣну одной машины другой, пока не явилась современная швейная машина.

Швейная машина, это — культурная мебель. Она необходима въ обиходѣ каждого семейства, — болѣе или менѣе состоятельнаго, — безразлично. Не всякую же поправку или передѣлку посылать портнихѣ или портному, — экономьте и скорѣе сдѣлайте это дома при помощи швейной машины. Создался специальный контингентъ труженицъ-швей, приходящихъ на домъ шить на машинѣ. Проработаетъ недѣлю-другую такая швея, — глядишь, и обшита семья, и сэкономлены десятки рублей, которые пришлось бы отдать портнихѣ на сторону.

Удобство и производительность обыкновенной швейной машины Компаніи Зингеръ прямо таки не имѣютъ границъ. Ей доступно все; она въ состояніи прошить все отъ тончайшей ткани до толстѣйшаго сукна; противъ удара ея всепроникающей иглы не можетъ устоять даже кожа. Мало того, съ легкостью простой иглы, прошивающей тонкій батистъ, игла швейной машины Компаніи Зингеръ пробиваетъ картонъ, дерево и даже свинецъ.

На помѣщенномъ здѣсь фотографическомъ снимкѣ представлены воочию эти поистинѣ чудеса обыкновенной швейной машины Компаніи Зингеръ. Весь опытъ былъ сдѣланъ безъ всякихъ приготовленій, сразу, непрерывнымъ швомъ. Та же тоненькая, острая иголка швейной машины, протягивавшая тонкую нитку сквозь тюль (марлю), полотно или сукно, продолжала свою работу и при пробиваніи картона, кожи, дерева и свинца.

Этотъ опытъ, конечно, не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ врядъ ли въ домашнемъ обиходѣ придется прошивать картонъ, дерево или свинецъ, но онъ характеренъ своей наглядностью, показывая, сколь велика работоспособность швейной ма-

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫШИВОКЪ, устроенная Компаніей Зингеръ въ декабрь 1904 г. въ С.-Петербургѣ въ помѣщеніяхъ магазина Компаніи: I. ОБЩІЙ ВИДЪ ВЫСТАВКИ.

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫШИВОКЪ. II. Выставленные костюмы: слѣва направо: 1) мордовскій, 2) богатой киргизки, 3) мордовскій, 4) вотячскій, 5) русской боярыни, 6) польскій, 7) самоѣдскіе, 8) грузинскій, 9) модной дамы, 10) малороссійскій.

шины Компаніи Зингеръ, до какого совершенства въ прочности и силѣ удара доведены теперь эти швейныя машины, представляющія собою настоящее чудо техники.

II.

Но ставъ лучшимъ незамѣнимымъ «другомъ дома», швейная машина не ограничилась этимъ, быстро шагнула за предѣлы дома и нашла себѣ широкое примѣненіе въ торговлѣ и промышленности.

Безъ швейной машины не можетъ обойтись ни портной, ни сапожникъ, ни сѣдельный мастеръ и т. д.

Въ крупныхъ промышленныхъ производствахъ швейная машина находить себѣ также широкое и разностороннее примѣненіе.

Есть такія производства, гдѣ даже сразу не соорудить, какую службу можетъ тамъ нести швейная машина;—напримѣръ: на цементномъ заводѣ, на элеваторѣ или паровой мельницѣ, въ красильнѣ и т. д. Всюду въ нихъ раздастся ея стрекочущая трель, вездѣ она напѣваетъ свою безконечную, знакомую всѣмъ пѣсню. Цѣлые ряды машинъ подъ руками сотенъ женщинъ заняты шитьемъ и штопаньемъ мѣшковъ; на машинахъ спиваютъ на скорую руку ткани, подлежащія окраскѣ, или же на нихъ исправляютъ замѣченные недочеты въ тюлевой ткани и т. д.

Мы взяли на выдержку рядъ производствъ, гдѣ непосвященный въ дѣло человекъ не ожидалъ встрѣтить работу швейной машины, и сдѣлали мы это съ тѣмъ лишь, чтобы показать, насколько широка и всеобъемлюща область примѣненія швейной машины.

Но главная, доминирующая сфера дѣятельности швейной машины, это — промышленность, посвященная изготовленію одежды. Это — настоящее царство швейной машины, и мы видимъ здѣсь не только сотни тысячъ, но миллионы швейныхъ машинъ, безостановочно работающих и буквально одѣвающихъ міръ. Отъ простого крестьянина до барыни-франтихи, — всѣхъ одѣла, украсила «машинная строчка».

Для разныхъ видовъ одежды придуманы и разныя спеціальныя машины: есть машины для прометыванія петель и подшиванія сквознымъ рубцомъ, для шиванія мѣха, перчатокъ, соломенныхъ шляпъ, фуражекъ и т. д. Въ общемъ имѣется болѣе 800 разныхъ спеціальныхъ машинъ.

Всѣ эти работы дѣлаются на швейной машинѣ поразительно быстро и просто. Но известно, что все, кажущееся съ виду легкимъ и простымъ, достигается тяжелымъ и долгимъ трудомъ. Надъ постройкой и усовершенствованіемъ спеціальныхъ машинъ Компанія Зингеръ, при помощи своихъ инженеровъ и техниковъ, работала года, не жалѣя средствъ и стремясь какъ можно болѣе удешевить производство, а слѣдовательно и покушную цѣну швейныхъ машинъ.

Это была колоссальная работа на пользу трудящагося люда. И швейная машина постепенно находила себѣ радужный пріемъ на обоихъ полушаріяхъ, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Это была мирная, культурная побѣда технического гения въ пользу человечества.

Гроза войны, разразившаяся на Дальнемъ Востоку, подчеркнула на дѣлѣ роль этой крупной силы, созданной мировой культурой.

Въ то время, какъ тысячедюдовые исполины-орудія сѣли смерть и разрушеніе кругомъ, дерзновенно посылая въ мирныя небеса смертоносныя ядра, тысячи швейныхъ машинъ Зингера своими стальными мускулами помогали людямъ шить шинели, бѣлье, сапоги, парусины для палатокъ, брезенты, тюки, весь перевязочный матеріалъ. Цѣлые поезда этихъ предметовъ снаряженія армии и госпиталей доставлены и продолжаютъ доставляться на театръ военныхъ дѣйствій.

III.

Швейная машина имѣетъ свою «поэзію» и свою «прозу». *Поэзію* ея составляютъ работы, посвященные искусству: великолѣпно вытканныя картины, портреты, ландшафты, изображенія цвѣтовъ, фруктовъ, животныхъ, представляющія «копіи въ краскахъ» съ картинъ лучшихъ мастеровъ. *Проза* швейной машины — изготовляемая на ней всевозможныя работы для практическихъ цѣлей: вышивки для платьевъ и бѣлья,

одѣяль, подушекъ, занавѣсей и портьеръ, узоры національных костюмовъ и т. п.

Изящныя издѣлія швейной машины Компаніи Зингеръ поражаютъ своей художественностью. Это прямо-таки — живопись иглы.

На устроенной истекшей зимой Компаніей Зингеръ въ Петербургѣ благотворительной выставкѣ (въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ) можно было видѣть поразительно-художественной работы вышивки, всѣ безъ исключенія исполненныя на обыкновенной, домашней швейной машинѣ Компаніи Зингеръ. Предъ глазами посѣтителей красовались картины изъ Дрезденской галереи, Лувра, Эрмитажа и другихъ художественныхъ музеевъ-галерей, и все это была живопись иглы, созданія техники художественныхъ рукодѣлій. Приходилось диву даваться, глядя на эти рѣдкія красоты вышивки. Только убѣдившись своими глазами, притомъ въблизи, на образцахъ, имѣющихся въ магазинахъ Компаніи Зингеръ, можно было повѣрить, что это не нарисовано, а вышито и притомъ машиной.

Все великое просто. Техника художественной вышивки на машинѣ Компаніи Зингеръ незамѣлива. Для созданія всевозможныхъ красочныхъ эффектовъ, соблюденія перспективы и рельефности рисунка, употребляются три рода шитья. Первый — шитье *гладью* — извѣстенъ каждой мало-мальски искусной рукодѣльницѣ. Оно мало чѣмъ отличается отъ ручного и долгие годы было единственно доступнымъ швейной машинѣ. Но стремясь усовершенствовать работы швейныхъ машинъ не только технически, а и съ художественной стороны, Компанія Зингеръ избрала новый способъ — *узловатое шитье*. Шитье это представляетъ очень тонкую стежку,

Мордовскій костюмъ: замѣчательнъ вышивкой крестиками канъ и строчкой по тюлю.

Доказательство производительности обыкновенной швейной машины Компании Зингеръ: Опытъ шитья непрерывнымъ швомъ сквозь разн. матеріи, картонъ, кожу, дерево и свинецъ.

которую можно располагать во сколько угодно слоев один над другим; благодаря этому достигаются тончайшие переходы красок и наилучшія сочетания тонов, производящіе, въ соединеніи съ блескомъ шелка, поразительно своеобразные эффекты. Третій, тоже недавно изобрѣтенный родъ шитья—плюшевое шитье: въ немъ узоръ выступаетъ изъ матеріи такъ рельефно, точно онъ вышитъ бархатными или плюшевыми нитками. Достигается эта рельефность пристегиваніемъ къ правой сторонѣ матеріи толстой подкладки въ то время, когда узоръ вышивается на лѣвой сторонѣ. Благодаря подкладкѣ стежка получается на всемъ протяженіи одинаковой высоты; по окончаніи работы стежка съ правой стороны подрѣзается и подкладка вынимается—получается полная иллюзия плюшевой вышивки.

Но этимъ не исчерпываются художественныя силы обыкновенной швейной машины. Компанія Зингеръ на упомянутой выставкѣ своихъ работъ показала, какіе художественные шедевры можно создать на ея обыкновенной домашней швейной машинѣ. Все эти прелестныя ажурныя вышивки и разнообразнѣйшія сквозныя, накладныя изящныя работы, драгоценнѣйшія кружева, роскошныя цѣльные ковры, дорожки, монограммы и буквы и т. п. — все это такіе образцы искусства, которые должны опровергнуть создавшееся въ насъ преувѣренное и высокое цѣненіе «ручной работы»...

Аристократизмъ въ искусствѣ, созданный особой цѣнностью ручной работы, нашелъ себѣ истиннаго врага въ швейной машинѣ Зингера. Искусство, красота,—эти дивныя, высшіе дары, бывшіе до сихъ поръ удѣломъ немногихъ избранныхъ, пусть будутъ доступны широкой массѣ, пусть облагораживаютъ и возвышаютъ ея душу.

Нужно лишь немного чувства линіи и красокъ, и на швейной машинѣ Компаніи Зингеръ, послѣ краткаго обученія главнымъ техническимъ приемамъ, можетъ работать каждая рукодѣльница. Дальнѣйшая практика приведетъ постепенно къ техническому совершенству.

Главное преимущество художественныхъ работъ на обыкновенной швейной машинѣ Компаніи Зингеръ состоитъ въ томъ, что онѣ не требуютъ никакихъ особыхъ приспособленій и дорого стоящихъ вспомогательныхъ средствъ. Необходимо только удалить лапку и транспортиръ, служащій для подвиганія швейной работы и регулированія длины стежковъ. Матерію натягиваютъ частями на плоскіе пальцы. Выступающая передвигается руками подкладку матеріи по узору и регулируетъ длину стежковъ.

При этомъ несомнѣнно сказывается извѣстная субъективность въ работѣ, измѣряющая собою художественный уровень исполненія, въ дѣлѣ выбора красокъ и сочетанія тоновъ.

Такимъ образомъ это не будетъ бездушная механическая работа, а идеальное соединеніе субъективнаго творчества съ регулярностью машины.

Все это достигается на машинѣ въ четыре раза скорѣе, чѣмъ рукой даже самой искусной и опытной работницы. А какое преимущество въ чистотѣ и точности работы! Какъ бы нѣженъ и тонокъ ни былъ матеріалъ, машинная вышивка не дастъ ни кривизны, ни стягиванія въ сторону.

Однимъ словомъ, получается идеалъ вышивки,—и техническій, и художественный.

IV.

Швейной машинѣ Компаніи Зингеръ мѣсто въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ: жена-мать приобретаетъ въ ней цѣнное подспорье въ хозяйствѣ, экономную помощницу; не знающая, куда дѣвать свой досугъ, барышня и избалованная жизнью дама могутъ развивать художественный вкусъ изготовленіемъ на швейной машинѣ изящныхъ рукодѣлій

для своихъ гостинныхъ и будуаровъ, а вѣковѣчная труженица, бѣдная швея или блоншевка, сэкономятъ много дорогого времени, увеличить свою производительность, а слѣдовательно и заработокъ и притомъ выпустить изъ рукъ чистую, художественно законченную работу, не въ примѣръ прежнимъ ея работамъ.

Для труженицъ-профессионалокъ и вообще для людей менѣе состоятельныхъ Компанія Зингеръ сдѣлала большую льготу при приобретеніи у нея швейныхъ машинъ. Допускается разсрочка платежа по 1 рублю въ недѣлю—условія доступны всякому. При этомъ машина выдается при первомъ же взносѣ, и такимъ образомъ, работая на машинѣ, можно постепенно выплачивать ея стоимость изъ заработка, благодаря ей получаемого.

Во всѣхъ многочисленныхъ магазинахъ и отдѣленіяхъ Компаніи Зингеръ, разбросанныхъ по всей Россіи, производится при покупкѣ безвозмездное обученіе шитью на машинѣ.

Центръ всѣхъ этихъ безчисленныхъ отдѣленій Компаніи Зингеръ устроенъ въ столицѣ—С.-Петербургѣ.

Громадный семиэтажный домъ, весь построенный изъ гранита, настоящій «Дворецъ машинъ», на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, увѣнчанный куполомъ съ аллегорическими фигурами, держащими земной шаръ, описанный Компаніей Зингеръ, показываетъ воочию, какихъ феноменальныхъ размѣровъ достигла дѣятельность этой фирмы. Представляя собою чудо архитектурнаго искусства, этотъ домъ является украшеніемъ столицы и ея главной артеріи—Невскаго проспекта.

Роскошный залъ машинъ, внизу, даетъ покупателю возможность ознакомиться со всѣми системами машинъ, которыя тутъ же демонстрируются; также имѣются образцы работъ.

Въ верхнемъ же этажѣ, подъ самымъ земнымъ шаромъ, огромный залъ во всю ширину зданія, отведенъ подъ администрацію Компаніи Зингеръ, управляющую отсюда всей широкой сѣтью отдѣленій и магазиновъ Компаніи, раскинутыхъ по Россіи.

На всѣхъ вывѣскахъ магазиновъ Компаніи, число которыхъ въ Россіи превышаетъ 1200, красуется извѣстное торговое клеймо: окруженная буквою «З» дебелия красавица, въ національномъ сарафанѣ и кокошникѣ, за швейной машиной—символизируетъ стремленія Компаніи Зингеръ. Это—сама Россія за швейной машиной, увѣренная въ своемъ грядущемъ экономическомъ процвѣтаніи, которое придетъ вслѣдъ за умиротвореніемъ ея внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодъ и неурядицъ.

Швейныя машины Компаніи Зингеръ въ дѣйстви при помощи механической двигательной силы. (Снимокъ съ фабрики мужскихъ воротниковъ и манжетъ П. Е. Олофъ СПб.)

